

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

11 / 2022



2022

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

*Журнал издаётся при информационной
поддержке «Литературной газеты»*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

*В оформлении обложки использована
репродукция картины Альфонса Мухи
«Голова византийки»*

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acpoetry.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2022
© Издательство «У Никитских ворот», 2022
© Коллектив авторов, 2022

ISBN 978-5-00170-718-9



9 785001 707189 >

ТЕМА НОМЕРА:

«135 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

С.Я. МАРШАКА, РУССКОГО ПОЭТА,
ПЕРЕВОДЧИКА И ДРАМАТУРГА (1887–1964)»

1

ПОЭЗИЯ



МАРГАРИТА АЗАРОВА

* * *

*Памяти Владимира
Георгиевича Бояринова*

Жизнь не шагреновая кожа –
не зависит от наших желаний.
Потерями сердце тревожит,
миг жизни со смертью на грани.
Почему отложила на завтра
разговор о поэзии, встречу –
закрутилась, так легла карта?
Отложила общенье... навечно...
Сердце стонет по человеку,
сердце стонет и по поэту...
Для таких людей нету срока,
невозможно стихам кануть в Лету!
Ощущаю себя птицей раненой
я без Вас, Владимир Бояринов...

Азарова Маргарита Александровна. Строфы ветра записывает. Приняли в Союз писателей, потому что себе их приписывает. Иногда их поют, иногда читают... Даже дипломы вручают. Жаль, ветру дипломы не передать... Но можно ему, как и прежде, внимать.



ИННА ДЕМИНА

* * *

Я люблю, когда красные клёны,
Когда жёлтые листья берёз.
Когда ветер шальной неуёмно
Листопадом кружит не всерьёз.

Когда спят в нашем парке скамейки
Под кленовой большой пятерней.
И как мокнут дождями аллейки,
Когда я на свиданьи с тобой.

Я люблю, когда осень повсюду,
Словно кистью, раскрасить спешит.
Ярких красок обычное чудо –
Тихий отдых уставшей души.

Демина Инна Алексеевна. Родилась и выросла в подмосковном городе Солнечногорске. В настоящее время живёт в Москве. Окончила Российский государственный социальный университет по специальности «психология».

На данный момент изданы сборники стихов «Мечте хотела бы сказать...», «Мой первый год с душой поэта». Принимала участие в конкурсном альманахе номинантов на премию «Поэт года – 2021», «Наследие – 2021», портал «Стихи.ру». Участник различных коллективных поэтических сборников.

Финалист международного конкурса “Open Eurasia – 2021”. Является участником литературного объединения имени Героя Советского Союза писателя В.В. Карпова при военно-художественной студии писателей ФГБУ «Центральный дом Российской армии имени М.В. Фрунзе» Минобороны России.

Я люблю ту спокойную свежесть,
Когда всё замирает порой.
И уютную лёгкую нежность,
Что с утра разливалась рекой.

Когда луч уходящего солнца
Вдруг застрянет в цветных закромах
И, сбегая, коснётся оконца,
Чтоб растаять в ночных облаках.

* * *

Преет листьями старый парк,
Осень властно вступает в права.
Оседают на ветках мрак,
В ночь сгущается темнота.

На двуглазый фонарный столб
Опускается тишина,
День умолкнет, и тысячи солнц
Разгорятся, сон вдаль уводя.

Меркнут звёзды вдали вверху,
Заползает луна в облака.
Я поймаю звезду одну
И за пазуху спрячу пока.

Обжигает теплом мою грудь,
Так и тянется к ней рука.
Я начну свой полночный путь,
Пусть дорога мне будет легка.

По ночной дребезжащей росе,
Заплетая мечты в волосах,
Я приду через город к тебе,
Я, звезда, осень в наших снах.

В твоём доме уже темно,
Там витает желанный сон.

Загляну я в твоё окно
И отправлю звезду в полон.

Вместе с сердцем к тебе прижму,
Овладей ей, оставь у себя.
А увидишь той ночью луну,
Вспомнишь, как я к тебе пришла...

* * *

Я осень – рыжая девица,
Айда со мною веселиться!
Швыряться листьями в лицо
И заплетать туман в кольцо.
И солнце прятать по утрам,
А в ночь устроим тарарам
Дождём смешливым и таким,
Что сложно выстоять под ним.
И с ветром будем запевать,
По полю весело скакать.
Вбирая яблок аромат,
Мы заберёмся в дикий сад.
И будем по лесу гулять,
Грибы в корзинку собирать.
А после мы домой придём,
Воды нагреем и нальём
Горячий чай, и у порога
Мы посидим, чуть-чуть продрогнув.
Нам только рыжая луна
Шепнёт негромко: спать пора.
И развернув на небе плед,
Звездой пришлёт большой привет.

* * *

Зажелтела украдкой листва.
Эта осень в нас холодом веет.
Не дождалась её мы тепла,
Ветер зло замечает аллеи.

Ласка осени как горький дым –
Не видать уже бабьего лета.
Сентябрю не бывать золотым,
Он и солнцем не будет согретый.

Вяжет осень, как дымку, туман,
Словно шаль побросала повсюду.
Ждём тепла, только это обман,
Осень с летом рассорилась. Худо.

И по тонкой звенящей траве
Ветер, воя, листву рассыпает.
Отчего, осень, грустно тебе,
Что холодным дождём всё рыдает?

* * *

Седеет фоном небо в сентябре,
Пылают алым в поднебесье клёны,
Иду и думаю о нас и о тебе,
Устало-тихо мысли мои стонут.

Скучает осень в парках городских:
Дождями плачет, лета след смывает,
Скучает мой такой внезапный стих,
Слегка грустит и вслед за ветром тает.

Промчалось лето, пыль забот сметя,
Жарю город задушив, опутав.
И время кратких встреч, когда тебя
Ещё могла я ласкою укутать.

Но снова осень, а за ней зима
Год для любви, как в первый раз, откроют.
И снова я, как прежде, жду тебя.
Я жду, когда объятья вновь укроют.



АНДРЕЙ КЛЫПИН

Нам расклады войны навязали...

Нам расклады войны навязали
Англосаксы лукавством своим.
Русский код безуспешно меняли,
Но, как прежде, он нами храним.

Мы своих не бросаем. Не знали?
А любовью к Отчизне сильны,
Чтобы нашу свободу не крали,
Защищать её встали сыны.

Потому что в черте нашей жизни
Появилась угроза всему,
Но в пределах российской Отчизны
Не потерпим мы эту чуму.

Распечатана смерти кубышка,
И запрыгала с факелом тварь,
Повторяя, как будто одышка:
«Кто не скачет, тот явно москаль».

Клыпин Андрей Геннадьевич автор ряда персональных сборников стихотворений, участник многих поэтических сборников и альманахов, автор рассказов. Его стихи и проза печатались на страницах журнала «Свет столицы» в 2021-2022 гг.

Полковник в отставке, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

И, беснуясь, кичась да кривляясь,
Зло бросалось на русское Я
И, от крови вовсю распаяясь,
Возносило безмерно себя.

Вспомним, было всё это когда-то:
И эсэсовских молний узор,
И фашисты – кровавые каты,*
И орущий зигующий хор.

Всё в бандерщине этой хранилось
И на жовто-блакитных полях
Проросло и вовсю семенялось
В душах всех, кто попался в сетях.

Разрубая славянские корни,
Да под крики майданных вождей
Шайка этой прозападной дворни
Отняла здравый смысл у людей.

Нам расклады войны навязали
Англосаксы лукавством своим.
Русский код безуспешно меняли,
Но, как прежде, он нами храним.

28 октября 2022

Марш российских добровольцев СВО

Горят в огне Луганск, Донбасс,
Горит вся Малая Россия,
Вставай, мой друг, пришёл наш час,
Зовёт нас русская стихия.

* *Кат* – палач, заплечных дел мастер.

Сожми умелою рукой
Цевьё* родного автомата,
Господь, храни идущих в бой
Героев – мужа, сына, брата.

Ты – доброволец, труден путь,
Не все вернутся из похода,
Но, Родина, спокойна будь,
Не пожалеем крови, пота.

Мы защитим тебя, страна,
Победой будешь ты гордиться,
И повторится та весна,
И дело правое свершится.

Мы – добровольцы, держим шаг,
Прорвём твердыню обороны,
Шагнём мы в пóлымя атак,
Преодолеем все заслоны.

31 октября 2022

По тропе ушла разведгруппа в ночь...

По тропе ушла разведгруппа в ночь,
Растворилась во тьме неслышно.
Ах, как хочется ребятам помочь,
Чтобы всё у них точно вышло.

Чтоб прошли они минное поле,
Избежали подлючих засад,
Чтоб живыми вернулись вскоре,
Чтобы Русь дождалась своих чад.

* *Цевьё* – передняя часть ружейной ложи, закрывающая ствол полностью или частично. При стрельбе из ружей, винтовок и карабинов цевьё служит для удобного удержания оружия, участвует в прицеливании, предохраняет руку стрелка от соприкосновения с разогретым стволом.

Здесь, в суровости будней разведки,
На дорогах войны, что черны,
Жизнь не ставит простые отметки,
Дорогие мои пацаны.

Заклинаю вас всеми святыми,
Осторожными будьте во всём,
Знаю: карты не будут пустыми,
А по целям удар нанесён.

Тяжела у разведчиков доля.
Сливков нет в ратном деле нигде,
Как сильна ваша сила и воля,
Описал Казакевич в «Звезде».

Только нынче уж новые были
Пишет жизнь под нацистским огнём,
Я хочу, чтоб вы «есть», а не «были»,
Вы вернётесь – мы с вами споём.

3–4 ноября 2022

Донбасское письмо...

Я пишу тебе, милая, правду:
Попривык уже нынче к войне,
Исключаю любую браваду,
Дорога́ слишком будет в цене.

Вот нагнулась к нам смерть, выбирая:
Ну, кого бы сильнее обнять?
И над каждым стоит здесь, вздыхая,
И её невозможно прогнать.

Посылает, коварная, пули,
И метелью осколков кружа,
Чтоб те русское сердце задули...
Но не выйдет у ней ни шиша.

В алгоритме войны грязнут будни,
А душа оголяет себя,
И становишься ты безрассудней,
В этой правде кипя и кипя.

Здесь, в бою, защищается счастье,
Что вчерашним подарено днём,
И сильнее сжимает запястье,
Управляя надёжно цевьём.

Жди меня, дорогая, вернусь я,
Одолею жестокость невзгод,
Твоё сердце любовью согрею,
Наша жизнь новый смысл обретёт.

Октябрь — ноябрь 2022

Малороссийский излом...

Иголкой в сердце боль России –
Малороссийский наш крутой излом.
Солдат, ну а скорей, мессия,
От скверны подлой избавляет дом.

Который день грустит природа,
Раскидывая всюду мокроту,
А может, это капли пота
Солдат, несущих на плечах войну.

В миг расступившиеся тучи,
В багровом небе обнажив рассвет,
Кровавой правдою колючей
Земле покажут боль нацистских бед.

Увидьте кровь убитых граждан,
Разлитую бандеровской рукой,
И для себя решите каждый,
Насколько справедлив наш смертный бой.

Воздать за смерти и несчастья,
За крови женщин, стариков, детей,
Воздать безумной этой власти,
В крови погрязших подлых палачей.

Кипящий разум силы множит,
И ненависть решимостью полна,
Солдат российский это сможет,
И в Малороссию придёт весна.

Март 2022

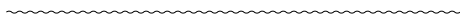


АНАТОЛИЙ КОРОТКОВ

Души небесная стихия

Я слышу музыку, душа поёт...
О чём, пока не понимаю.
Диапазон широк волшебных нот,
Звучат они негромко, я внимаю.

В них что-то о возвышенной любви,
О дивных снах и долгожданной встрече,
Печаль о том, что вместе не смогли
Уйти из суетного мира в вечность.



Коротков Анатолий Николаевич — член МГО СП России. Родился в селе Здвинск Новосибирской области 13 октября 1933 года. После окончания военного училища 26 лет отдал службе в рядах Советской армии. Уволился по болезни.

Окончил педагогический институт, математический факультет. Стихи начал писать после завершения трудовой деятельности и выхода на пенсию. Первые публикации — в журнале «Смена» (2002 г.).

Издal несколько сборников стихов и рассказов, а также книгу воспоминаний «Через две эпохи». Соавтор многих сборников, издаваемых МГО СП России и НП «Литературная республика».

Отмечен наградами Союза писателей России: дипломом «За верность русскому слову» с вручением медали «60 лет МГО Союза писателей России», дипломом литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С.А. Есенина с вручением одноимённого ордена; медалью «Родина-мать зовёт» — в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Меж жизнями – знакомой нам, земной,
И той, что ждёт в Небесном Царстве,
Есть информация, но вид её иной,
Сокрытый в мировом пространстве.

Мы до неё пока не доросли,
Но она есть, и каждый это знает.
А если Душу к Богу вознесли,
Духовной связи с миром не теряет.

Там есть, кто может ей помочь
Найти пути с любимыми связаться,
Чтоб отогнать от них печали прочь
И в радости духовной оставаться.

Любовь большую трудно разорвать,
Душа находит методы общенья,
И музыку любви способна передать
Для выраженья страсти и влеченья.

Живите скромно на родной Земле,
Стремитесь выполнить своё предназначенье.
Любите ближних, Бог воздаст вдвойне
За пережитые разлуки и мученья.

Ноябрь 2022

Луч надежды

Где купол неба обнимает Землю
И цвет зари ласкает облака,
Секретам Мироздания Природа внимлет,
Дошедшим до Земли издалека.

Наш взор заморожен Природой,
Она прекрасна ныне и всегда.
Её расцветка связана с погодой,
Вселяет ДУХ и ВЕРУ на года.

И мы, одушевлённые зарёю,
Стремимся всех любить и уважать,
Стать лучше, этого не скрою,
По-новому творить и созидать!

Чтобы наш труд был нужен людям,
С собой нёс ПРАВДУ и ЛЮБОВЬ,
Надежды луч украсил будни
И радость появилась вновь.

Её прямое отраженье
Достигло всех сокрытых мест,
И стало явным достиженьем
Тех, кто смиренно нёс свой Крест.

Июнь 2022

О днях прошедших

Пожелтели листья на деревьях,
Лес обрёл невиданный окрас
И напомнил милую деревню,
Как зимой от гибели нас спас.

В трудные сороковые годы,
Только что окончилась война,
Голод и холодная погода
Истощили силы все до дна.

В сильные морозы и метели
Средь зимы закончились дрова.
Кизяки и бурьяны не грели,
В печку шли солома и трава.

Приходилось по сугробам ночью
С санками в ближайший лес идти,
Встречи с лесником боялись очень
И срубали всё, что по пути.

А когда морозы ослабели,
Приспособились топиться камышом.
Если бы сегодня поглядели,
Как всё необычно было в том.

Дверь в прихожую была открыта,
На пороге связка камыша
Комлем в топку вставлена, сокрыта,
Где огонь пылает не спеша.

А потом, по топке продвигая,
Не давали связке прогореть,
Подбирают то, что, выпадая,
Могло листья на полу поджечь...

Всё прошло, но может повториться,
Будь всегда и ко всему готов!
А сегодня нужно всем стремиться
МИР добыть на множество веков.

Последний виток

Жизнь на круги своя возвратится –
Так в народе всегда говорят.
Лишь подобное может родиться,
Если годы цикличность творят.

Мы об этом так мало что знаем,
За основу реальность берём.
Вот десяток восьмой разменяем
И виток предпоследний начнём.

А потом, за крутым поворотом,
Груз ушедшего можем стряхнуть
И в последнем порыве пилотом
Новой жизни штурвал потянуть.

Если опыта хватит и силы,
Под прожитым черту проведём
И, поняв, что не всё совершили,
Новый путь по спирали начнём.

Постараемся что-то улучшить
Или заново что-то создать,
Чтобы Родину сделать могучей
И способной себя защищать.

Вот тогда, без оглядки и смело,
Можем двигаться только вперёд,
Зная – планы наши и дело
Молодёжь в свои руки возьмёт.

Решительность

Я стих пишу, взбираясь в гору,
Где с каждым шагом путь трудней,
Нельзя спешить, уж в эту пору
Немного встретишь там людей.

Пусть рвётся сердце, стонут мышцы,
Но мысли чище и ясней,
За дело нужное Всевышний
Ещё земных добавит дней.

И вот теперь, когда открылся
Прошедшей жизни горизонт,
Я будто заново родился,
Увидев всё, и тыл, и фронт.

Вон там – обижен был начальством,
А здесь – познал добро и зло,
Ещё различные мытарства,
Из-за упрямства «не везло».

Зато умом обижен не был
И разгильдяйством не страдал,
Не забывал взирать на Небо,
Все силы службе отдавал.

Грехов наделал в жизни много,
А позже каялся как мог.
Шёл лишь одной прямой дорогой,
Как нужно выполнял свой долг.

Господь усердие заметил,
Большой любовью наградил.
В семье отрадой стали дети,
За всё судьбу благодарил.

Теперь, когда осталось мало
И подводить пора итог,
Узрел, чего мне не хватало,
Чтоб с честью выполнить свой долг.



АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

* * *

Либретто сердца и вибрато –
Игра высоких чувств и слов.
На сцене ритма пляшет страстно
Трагикомический дурдом!

По-старому, чтоб с реверансом!
По-нынешнему, с наглечой!
Поёт старинные романсы,
Бросает жёстко драйв в лицо,

Раскачивает сердца лодку,
Вот-вот, и хлынут через край
И кровь, и слёзы... Хлещет водку,
Чтоб сердцу сочинять раздрай!

В ответ чуть слышно в сердца вскрике:
«Я свистопляски не боюсь,
Здесь, на смятенья вихре, пике,
Спасут тоска меня и грусть!..»

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

И шепчет тишь, к любви взывая:
«Молиться надо сердцу, ждать,
Когда в него войдёт благая
Отвага жить и побеждать!»

Сойдутся верные созвездья,
Взойдёт одно из главных солнц,
И пенье жаб, и ночи бездны,
И сердца тысяча оконц –

Мир распоётся многозначно
И многозвучно замолчит.
Ответит сердце горько, мрачно,
С колен восстанет в бурю битв.

И сердце в пляске ярой, дикой
Мир опрокинет в новый строй,
Чтоб снова с радостью великой
Прельститься вечною игрой!..

* * *

Когда распускались бутоны радости,
Когда расцветали цветы победы,
Жили ли вы, упоенные страстностью,
Даром, что ведали древние веды?

Ну, распахните каналы слёзные,
Пусть наполнятся вольностью воды,
Искрами сердца, дерзкими грёзами,
Жарким сияньем весенней природы!

Пыль и грязь стирая потоками,
Слёз водопады душой обретали?
Таяньем льдов и жажды потопами
Ран схороны терзали вы, тайны?

Слышали ль вы надежд щебетание,
Мимо ушей пропустив крик вороны,
В шуме потоков весеннего таянья,
В пенье садов, в цветенья коронах?

Скуку стряхните. Сердца свои детские
В путь отпустите скорее, на волю!
Мудрость споют фолианты вам ветхие,
В них – чудесам и чувствам раздолье!

Сердце моё помчит колесницею...
Откровенья коснувшись рукою,
Тёплого тела целую ресницу я
Каждую, ввысь улетаю, раскован,

Ввысь улетаю я, в поднебесное –
Там расцветают желаний бутоны!
Пусть на мгновенье, оковы сняв тесные,
В сне сумасбродном, в безумия стене!..

* * *

Сломанная ветка болит, болит...
Листья желтеют, отмирают...
Солнечный луч и пляшет, и играет,
Небо в облаках и дышит, и летит...

Боль внутри. От ветра отлучён,
Слушаю карканье воронье.
Здесь вокзал. Стою я на перроне.
Поезд жизни солнечным лучом

Вспыхнет на миг лишь и умчится вдаль...
Я же на перроне стыну, умирая,
Небо здесь серое от края и до края,
Так же бездонно, как в груди печаль...

У вокзала – рельсы, тупики,
Грохот, суета, бегают составы,
Расправлять садам ветвей суставы
Не дают тепловозные гудки...

Ветер где-то мчится по полям,
Гнёт дубравам гордые вершины.
Я корнями врос в перрон, и мины –
Взрывы мин во мне – и там... и там...

Я не сдвинусь, я не шелохнусь...
Хвост состава скроется, умчится,
Солнца луч истает, излучится,
Здесь останутся холод, мрак и гнусь!..

Я не боюсь, пусть кандалами боль,
Карцер – тоска, пусть бездны измеренье
Болью истерзано, смиреньем,
Вечным недовольством собой...

Вспыхнул луч, явился новый свет!..
Сломанная ветка оживает...
Ветер целебный и нянчит, и качает,
Ветка растёт, и больше боли нет.

* * *

Деревья пускают корни.
Птицы покинут гнёзда.
Стану ещё покорней
Ветра касаний гроздьям.

Травую стану я в поле.
Волос моих чуть ветер
Пригубит, губ моих. Волю
Целебную, губы, пейте!

Испейте шелеста пенье,
Ветвей ароматы, листьев,
Зажгите в груди нетерпенье
Лесных чащоб вокалиста!

В глухой тишине книги
Я буду листать страницы,
Целуя каждой интригу,
С фабулой каждой любиться.

На сцене – тучи драмы.
Послушен столетий зову,
В грусти Прекрасной Дамы
Открою чуда основы.

Есть чудо любви – верность
Пречистому идеалу.
Бессмертье дано смертным,
Достойным любви началу.

Мгновенье быть с тобою.
В дыханье – пенье свирели.
Покой с самой чуткой болью
Смешаю в благоговенье.

Пусть зверь, деревьев корни,
Пусть гнёзда птичьи – всё вместе –
Научат, как стать упорней
В познании счастья известий.

Дух счастья в нас, в дыханье,
В согласье души и тела,
В непостигаемой тайне,
Что жить во мне захотела.

* * *

Светит фонарь и день и ночь...
Он ждёт меня, знаю, он ждёт!
В мире этом я – бестолочь,
А в том, наверное, – идиот.

Есть волшебное слово «грех».
Демон в нём или Божий перст?
Думаю я, думаю: «Эх!
Что за загадка, что за квест?!»

Множество мыслей, много идей...
Только по кругу хожу, брожу,
Каждую из своих затей
Вижу насквозь, всякую лжу.

Не потому ли на месте топчусь –
Предназначение моё в чём?
Дай мне знать, свети сильнее чуть –
В чём повинен, чем обличён?!

В том, что деревьям люблю каждый лист?
Щебетанье и пение птиц?
Знаю, конечно, я – эгоист,
Свой и чужой в мелькании лиц.

Я ненамеренно чувствую боль.
Приходит она сама по себе.
Приходит она сама собой,
Предначертана небом на лбе

Или на лбу, разница в чём?
В том, что твои ресницы люблю,
Дыханье твоё над моим плечом –
Счастье, недоступное королю?!

Что король – это тяжесть забот!..
Наша забота – свободно петь,

Не опускаясь с чудес высот,
На грешную жизнь право иметь!..

* * *

Крякают утки. Дальний полёт
Манит и грузит одновременно.
Но одно уже несомненно –
Вольный дух даже в утке живёт!

Листья желтеют. Деревья – краса!
Это время поэзии цвета.
Это значит – кончилось лето.
В корни уходят поля и леса.

Неба жемчужный светит наряд.
Солнца свет аристократичен.
Лично ловил я свет тот с поличным –
Тайнодействовал, любя всех подряд!

В смутную эту эпоху проснусь.
Сон, как обморок, был глубокий.
Око внутрь глядело высоко –
Там мерещатся сказки и грусть!

Грусть и осень. Пробуждения боль.
Снова к зиме готовлюсь я лютой,
Запасаюсь терпенья валютой –
Не должна душа стать мороза рабой!

День осенний – двух велений борьба.
Неба, что жёстче становится, строже,
Ложа в душе, что построил я, ложа
Капле тепла. Без тепла мне – труба!

Малый костёрчик в душе пусть горит.
Небо когда-нибудь станет добрее,
Мир всех вокруг обнимет, согреет,
Лаской весенней мир озарит.

Знаю – сейчас, не устану сейчас
Наше тепло, наш костёрчик беречь я,
Пламя души, высоту её речи,
Губ огонь и жар твоего плеча!..

* * *

Завшивели мысли в болотном застое?
Для очищенья приходит война?
Жизнь не прожить в извечном застолье.
Стонет и плачет душа и страна.

В осени краски гляжу я с восторгом –
Выстрелом в сердце кажется свет.
Сколько ласки оттенков и оргий –
Этот долгий прощания свет!

В тьму гляжу я, в сердца глубины,
Истина где-то таится во тьме?!
Кажется жизнь бесконечной и длинной
Или мгновенной – дышит время во мне!

Время во мне всё ещё дышит –
Слышу я отзвуки дальних боёв.
Только взор мой всё выше и выше,
Только всё чутче слух в сердце моём.

Снова и снова тебя обнимаю
В мыслях, во сне, в любви наяву.
Ты – очищенье моё, небо мая,
Где в облаках весны я плыву...

* * *

Шоколадный персиковый спелый –
Целый мир меняет свой портрет.
Горном во мне музыка запела,
Скрипку пропела ты в ответ.

Поплыли осенние туманы,
Кутая гарем деревьев в пух.
В золото одетые, пространны
Дали – вид захватывает дух!

Расцветает ширь в неизмеримость –
Солнце распахнуло небосклон.
Боль в душе, особая ранимость,
Неба свод загадочен, как сон.

Рыжекудры кроны в листопаде.
Овевает лаской их эфир.
Тянутся они к небес усладе.
Засыпает осень – неги пир.

Холодок морозит, отрезвляет.
Падает завеса – свод святынь.
Власть ночей и мрак нас закаляют.
Пой, душа, молю тебя, не стынь!

Жар в груди, пусть ночь стоит глухая,
Пусть хаос ночной взойдёт во бред,
Паутинка, ниточка родная,
Упаси нас от пучины бед!..

Дорога в осень. Адажио

Ветер колышет голые ветви –
Руки утопающих в море ненастья.
Дождь. Косые капли. Упасть им
Трудно. Злой их возносит ветер.

Ветер возносит. Они на лету замерзают.
Снегом очистятся дали, снегом застынут.
Прячется жизнь в свои корни-святыни,
В небо взглянуть, в небеса, не дерзает.

Прошлой жизни листья радости сгнили.
Голые ветви к небу – мольба и молитвы.
Всё. Отгремели баталии, схватки и битвы.
Всё. Словно не веселились они и не жили.

Где-то там, в глубине, затаился ноябрь.
Чёрной тьмы торжество и раздолье.
Кажется, космос чёрной грозит бедою –
В чёрной дыре испепелить всех озябших!

Мужество – это вершина терпенья.
Тёплая кровь, и сердце всё ещё бьётся.
Здесь, на дне долготерпенья колодца,
Слышится пенье, сердца слышится пенье...

Так что живём, терпения надо набраться.
Будем рука об руку вместе – жених и невеста –
Ждать весны прихода, сияния света,
В тьме терпением тепла души согреваться.

* * *

Эти грани борьбы, духовного роста,
Где любовь и ненависть вместе растут.
Всё не просто, всё очень не просто.
Волны страха и страсти поют.

Кто-то жаждет душу продать за господство,
Кто-то смиренно ищет Бога ладонь.
Ну а я всё брожу по задворкам юродства.
Всюду мрак, всюду топь, всюду тень.

Всюду глаз болота и озёра.
Взгляд незряч, погружён весь вовнутрь.
Где же радость разбега, простора?
Где восторг от побед и от бурь?

Те, кто были рядом, – далече.
Грозной лавой время летит,
И платить ему нечем мне, нечем,
А его всё растёт аппетит...

Это время нагое, живое –
Ворожба, колдовство, ярый пыл.
Всё, что было со мной, было мною,
Не сложилось, всё позабыл.

Только в радости, в сладостной дрожи,
Как младенца неся на руках,
Знаю, буду с тобой осторожен,
Так чтоб ласка жила на века.

Только так, чтобы, чувства не пряча,
Друг для друга блаженства творя,
Дорости до счастливого плача,
В моря чувств оборвать якоря!

* * *

Постигая вглубь и в глубь,
Грусть твою лаская нежно,
Падаю, как в бездну, в суть,
Где вся жизнь – стремнины стержень.

Сохраняя трезвый ум,
Всё ж хочу напиться вдрызг я
И блажить в стихии струн,
Где родные гроздья, брызги,

Где и чад, и ярый пыл,
Где и крики в исступленья,
Где бы я любил, любил
Это внутреннее пенье.

Там, где свет, – исчадьё тьмы,
Гениально и бездарно
Напрягаются умы
В безголосии кошмарном.

Там, где в мраке грозовом
Я твои узрею чары,
И над всем вселенским злом,
Над невысшимым кошмаром,

Покорённый красотой,
Проплывёт мой жажды улей,
Станет страсть святой мечтой.
Страх отринув, ввысь взметнули,

Ввысь взнесли б мы ласки сказ –
Стихотворчество предела,
Волшебства улёт, экстаз,
Чтоб вселенная запела,

Чтоб, кошмары победив,
Мы б заснули в ласки рае...
Не постичь умом тех див,
Что чаруют, умирая!..

* * *

Собачатся собаки,
Зло лают пустобрёхи.
А я гляжу на небо
И чувствую в нём ширь.

На небесах осенних
Ветрами рвутся тучи,
И проблески в них сини,
И солнца свет могучий

Вдруг ослепит все шири,
Вдруг засияют дали.
Жаль, ненадолго очень!
Чернее тучи стали!

Раздетые деревья –
Листвы ушли красоты.
Втоптали их в болото
Дней мозглых бегемоты.

Озябшие вершины
Рвёт ветер ошалело,
Но солнце луч свой бросит –
Сияют, как невесты.

А я гляжу на небо.
На синие просветы,
Надеждою, как хлебом,
Питаю душу нежно.

Есть у души рассветы,
И солнца есть закаты...
И лютою зимою,
И осенью тоскливой

Живёт душа и плачет,
Живёт душа – смеётся,
И я – всё тот же мальчик,
Которому неймётся!..



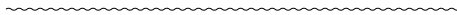
ИДАЛИЯ ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ

* * *

О, этот музыкальный дом –
на высоте горы Белухи...
Молчу уже я и о том,
как я, держась за чьи-то руки,
не по ступеням – по камням,
с трудом дыша,
я поднималась к небесам:
там выступал Погудин сам...
К его свечению я шла!

* * *

Зимы холодной откровенье,
как образ твой, улыбкой светит
не той, что снежное цветенье,
а той, что обнажает ветви



Идалия Шевцова-Урсатий (Шевцова Идия Фёдоровна) родилась в с. Завьялово Алтайского края. Публикуется в журналах, коллективных сборниках России и Зарубежья. Автор нескольких поэтических книг и прозы. Участница Дней славянской письменности и культуры в республике Молдова в 1997 году. Член СП Приднестровья, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России, член-корр. «Академии поэзии».

свободных смоляных стволов...
Засыпанные снегом холмы,
как белые медведи, спят,
вокруг хвоей леса рябят,
их солнце отражает волны,
а мне – как нравится здесь жить
и удивляться дивом полным,
чтобы в цветное рваться поле,
где трепетного солнца нить
меня, замёрзшую, согреет
у освещённого зарёю гребня
судьбы моей...

Судьба

Мне суждено на этом свете
не так любить, не так прожить:
не ездить в золотой карете,
с утра до ночки кружить –
быть в подмастерьях у бездарных,
по чьей-то воле спину гнуть,
иметь подруг не ближних, дальних,
и в оптимизме ведать суть...
В потоках утреннего солнца,
когда земля от света ломится,
я посмотрю на землю-матушку
и репку-матушку спою:
«В каком же нынче я бою,
в каком?»

2

проза



АЛИСА БЕСКРОВНАЯ

История четвёртая. Жители леса

– **И**диоты! Ни черта не могут сделать! Не полицейский участок, а курятник какой-то! – ненавистно восклицал Крис Дженкинс, идя по лесной тропинке сквозь густой лес.

Крис уже не раз проклинал местных полицейских за их бездействие. И не просто так. Неделю назад его сестра, Айрис Дженкинс, ушла в лес за грибами и не вернулась. По мнению Криса, полиция все семь дней бездействует. При этом он всячески оказывал им содействие: рассказывал и показывал на карте конкретные места, куда всегда ходила сестра, её характер и привычки, предполагал, что могло случиться. Но каждый день он слышал только одно – ничего не нашли. Особенно Дженкинса раздражал старший детектив их города – Джонатан Рэндолл.

«Вот кто самая ленивая свинья в нашем городе, так это он! – опять завёлся Крис, вспоминая лицо детектива. – У него только одна вещь хорошо получается – бухать!»

Бескровная Алиса родилась в 21 лунный день в год земного тигра.

С ранних лет Алису привлекала мистика, присутствующая во всех её произведениях, всё чаще и чаще переходя в ужасы. Поэтому неудивительно, что непревзойдённым наставником автора стал Эдгар Аллан По, к которому Бескровная обращается за помощью в своих творческих начинаниях. Главный урок, который она усвоила: в книгах не должно быть счастливого конца, так как сама жизнь редко заканчивается хеппи-эндом.

Больше всего Дженкинс боялся, что за семь дней сестра навряд ли осталась живой. Ведь могло произойти что угодно. Айрис могла упасть в яму и сломать ногу, либо её убил дикий зверь, либо она просто заплутала и умирает от голода и жажды. Однако Крис продолжал надеяться на хороший исход, в отличие от своих родителей. Всю неделю семья Дженкинс жила в постоянном беспокойстве и напряжении. Мать каждый день плакала, отец почти ничего не ел и всегда молчал. Всего неделю назад они жили спокойной и обычной жизнью, и тут на них свалилось это страшное событие. За что? Дженкинсы до сих пор задавались этим вопросом.

Их семья всегда была дружной, родители воспитывали Криса и его старшую сестру в любви. Поэтому, в отличие от многих, у брата с сестрой были самые тёплые отношения. Айрис была старше всего на два года, но присматривала за ним, как мама. Даже когда Крис уже закончил школу, она не выходила из роли «заботливой мамочки», что всегда его веселило. Единственное пристрастие сестры, которое ему не нравилось, – это собирание грибов в лесу. Он никогда не одобрял это хобби. Да и тем более грибы им были не нужны. Это был всего лишь предлог для родителей, чтобы Айрис спокойно могла гулять в лесу. Пару раз она брала Криса с собой. Ему, конечно, тоже нравилась красота природы, но атмосфера необъятного и неизвестного леса пугала.

Ведь лес в Дэрроне был большой и дикий. Если прогуливаться по его границам, то ничего страшного не увидишь, все тропинки уже давно протоптали, а звери наподобие волков обитали в глубине леса. Однако Айрис всегда искала новое, какое-нибудь безлюдное место. После нескольких лет «охоты» у неё сформировались любимые дорожки. Айрис могла уйти на рассвете и вернуться только поздно вечером. И вот после очередной «охоты» не вернулась совсем. Крис был одним из первых, кто занервничал. С наступлением ночи от неё не пришло ни одного сообщения, и он уже тогда начал сходить с ума. А уж после семи дней поисков сестры его нервы были на пределе.

Крис посмотрел на небо сквозь густую листву высоких деревьев. Смеркалось. Он не предполагал, что поиски займут столько времени.

«Теперь понятно, почему Айрис иногда приходила поздним вечером».

Крис зашёл в лес рано утром и провёл здесь почти целый день. За это время он прошёлся почти по всем любимым местам сестры в поисках хоть каких-то подсказок. Карта была при нём, так что заблудиться он не боялся. Из списка осталось ещё одно место, где

Айрис могла собирать грибы. Самое опасное. Крис надеялся всё внимательно осмотреть там до наступления темноты и вернуться домой не позже девяти. Ему совершенно не хотелось ещё больше тревожить родителей.

Разглядывая карту, Крис услышал, как под ним что-то противно пискнуло. Он посмотрел вниз.

«Какой странный ёж...»

Ёж и вправду был странный. Виднелись длинные руки и ноги вместо лап. Да и иголки были слишком большие для обычного ежа.

«Может, новый вид?»

Крис даже не почувствовал, что наступил на кого-то. Что-то похожее на ежа зло посмотрело на человека чёрными маленькими глазами и быстро скрылось в кустах.

«Померещится же... Это был просто ёж. Крис, успокойся».

Однако на подсознательном уровне он понимал, что всё не так просто. Что-то было странное в этом существе. Дженкинс попытался отвлечься от неприятных мыслей и продолжил внимательно разглядывать карту. Сверившись, он сделал пометки на дереве и пошёл дальше.

Идя по лесу уже долгое время, Крис не переставал восхищаться природой в городе: огромные поля, лес, озеро на окраине. Он всегда поражался и даже гордился этими подарками природы, которые окружали его всю жизнь. Если бы город ещё не был таким маленьким... Нет, как раз пусть он будет маленький. В этом и заключается вся его прелесть. Ведь чем больше город – тем меньше природы.

Дойдя до места назначения, Крис стал всё внимательно рассматривать. Он надеялся найти всё что угодно: ведро, одежду, следы, кровь. Тем не менее в этом месте не было ничего, как и в остальных. Криса расстраивала не только бесполезность его сегодняшнего похода, но и потраченное время, а также правота полицейских.

«Возможно, она решила найти какое-то новое место. Это и было её ошибкой...»

Дженкинс готов был расплакаться от отчаяния. Он посмотрел вверх и глубоко вздохнул.

Солнце почти зашло.

«Нужно возвращаться домой».

В этот момент он услышал чей-то тихий голос. Крис обернулся на звук. За густыми деревьями показался силуэт женщины. Шёпот повторился. Будто кто-то звал его.

«Может, это Айрис?»

Крис в надежде пошёл в сторону виднеющегося силуэта. Вглубь леса по неизвестному маршруту. Силуэт отдалялся всё дальше. Напряжение росло, и он, не выдержав, прокричал:

– Айрис!

– Крис! – послышалось ему в ответ.

Он стремительно побежал на зов. Крис был уверен, что услышал голос сестры.

«Это она, это точно она!», – думал Крис, пробегая как ненормальный по густому лесу всё дальше и дальше.

Когда же он почти вплотную добежал до силуэта, тот растворился в темноте. Крис достал фонарик. Осмотревшись, он попытался найти исчезнувший силуэт, но не увидел ничего, кроме деревьев.

Дженкинс понял, что совершил ошибку. Захваченный своей фантазией, он перестал ориентироваться в лесу и делать пометки. Крис достал карту и мысленно постарался воссоздать дорогу, по которой пробежал. Однако это было не так-то просто. Он посмотрел вверх. Солнце зашло. Вечернее небо закрывали листья высоких деревьев, покачивающихся на ветру. Становилось холодно. Крис поёжился и начал успокаивать себя, понимая, что главное в такой ситуации – не паниковать. Он решил попробовать пойти обратно.

Крис не должен был далеко убежать от прошлого места, хотя не мог воссоздать картину дороги. Усложняло ситуацию ещё и то, что деревья в лесу были густые: дальше света фонаря тяжело разглядеть путь.

«Быстро же потемнело...»

Крис не понимал, почему так получилось. У него точно было ещё полчаса до наступления полной темноты. Он не мог столько бежать.

Из-за резко наступившей темноты пришлось идти медленнее. В дополнение к этому дорога непротоптанная, часто встречались ухабы и ямы, а также корни деревьев, о которые можно было с лёгкостью споткнуться. Через кроссовки чувствовалось, что земля мокрая, хотя дождя не было уже больше недели.

Вдалеке Крис услышал волчий вой.

«Этого только не хватало».

И опять его насторожила сложившаяся ситуация. Он не мог настолько далеко уйти в лес, чтобы дойти до места обитания волков. Либо они осмелели и подошли поближе к городу...

С мыслей Криса сбил треск сзади. Он с опаской осветил фонариком в сторону звука, но там никого не было. Крису стало совсем не по себе. За ним будто наблюдали. От этого ощущения знобило.

«Это просто паранойя от страха и темноты... Всё нормально», – мысленно пытался успокоить себя Крис.

Пока он шёл, в потёмках мерещились звуки, фигуры. Пугала неизвестность. Как будто кто-то играл с ним. Крис задрожал, но уже не от холода, а от ужаса, который полностью овладел его сознанием.

Через несколько минут бесполезной ходьбы по темноте Дженкинсу показалось, что под одеждой кто-то ползает по коже. Нечто скользкое и противное. Он не мог больше этого терпеть и начал нервно проводить под одеждой рукой в поисках какого-то насекомого или чего-то подобного.

– Крис!

Парень обернулся и направил фонарь в сторону раздавшегося голоса. В темноте за деревьями спряталось существо, отдалённо напоминающее человека. Оно почти что слилось с деревьями. Длинные волосы закрывали лицо. Из его огромного рта высовывался длинный острый язык.

От ужаса Крис упал в обморок.

* * *

Первое, что он почувствовал, был холод. Когда Крис стал постепенно приходить в себя, то услышал чьё-то шипение. Ему это не понравилось. Он увидел перед собой змеиные черты. От страха Дженкинс сразу же очнулся. На нём лежала огромная змея, готовая к нападению. Крис с силой отбросил её и в панике начал на ощупь искать фонарь. Рядом послышался змеиный треск. Руки чувствовали только мокрую землю. В голове Криса проскользнул вопрос: откуда здесь гремучие змеи? В этот момент он наткнулся на холодный металл. Схватив фонарь, Крис быстро встал и побежал подальше от опасного хищника. С болью в голове, ударяясь об деревья, он пытался убежать как можно дальше.

Крис уже совсем не мог дышать от быстрого бега, в горле пересохло. Он остановился и попытался восстановить дыхание. Крис хотел достать из рюкзака воды, но, докоснувшись до плеча, понял, что оставил рюкзак на месте своего падения. Единственное, что осталось, – найденный на земле фонарь.

Чтобы перевести дух, он облокотился на толстый дуб неподалёку и тяжело вздохнул. Рука почувствовала что-то выпуклое. Он резко обернулся. На глазах Криса на дереве стала образоваться человеческое лицо: губы, затем глаза и нос. От страха парень уронил фонарик

и вскрикнул. Но, быстро придя в себя, поднял единственный источник света. Когда он в нерешительности снова осветил на источник своего страха, то дерево полностью приобрело человеческие черты лица. Крис не мог поверить своим глазам.

Из рта дерева вылезло и спрыгнуло на землю маленькое человекоподобное существо с острыми ушами и в разодранной одежде. Оно быстро подошло к Крису, держа в руках деревянную тарелку с ягодами, и протянуло ему.

– Они ядовитые, не ешь, – послышался чей-то хриплый голос.

Маленькое существо обернулось к дереву и погрозило кулаком, что-то пропищав. Затем поставило тарелку возле ног Криса и скрылось в ближайших кустах.

– Приходится соседствовать с этими вредителями, – снова услышал Крис мужской грубый голос. Он посмотрел на дерево: его губы шевелились. – Тесно нам здесь. Лес не такой уж и большой. Только из-за хозяина ещё друг друга не перебили.

– Хозяина? – Крис до сих пор не верил, что разговаривал с деревом.

Однако могучий дуб не отвечал.

«Боже, может, у меня галлюцинации? Но от чего? Не припомню, чтобы что-то ел в лесу. Может, головой сильно ударился и у меня сотрясение?..»

Дженкинс подошёл ближе к дереву и осветил на него фонариком. Человеческие черты начали потихоньку исчезать.

– Стой! – в страхе прокричал Крис. Казалось, что сейчас эта галлюцинация была его единственной надеждой. – Ты знаешь, как выбраться из леса?

– Я? Нет. Но он может помочь.

– Он?

– Хозяин леса.

– Он сможет меня вывести?..

– Ну-у... Если посчитает нужным.

– А если не посчитает?..

– Смерть, – раздалось эхом, отчего Криса передёрнуло.

В этот момент лицо дерева окончательно исчезло. Перед Дженкинсом стояло обычный дуб, покрытый мхом. Как будто минуту назад на нём ничего не было.

Крис долго стоял возле дерева, пытаясь понять, что творится в его голове. Возможно, это всё просто страх. Может, он и вправду

ударился головой или съел что-то, или просто обезвоживание, либо всё вместе. Крису стало ещё страшнее. Он не знал и не понимал, что делать. Единственное, что он сейчас мог – просто идти дальше. Хоть куда-нибудь.

«Дуб был прав. Лес не такой большой, как, например, тайга. Из него можно выбраться. Тем более я не мог уйти так далеко от выхода. Если выйду на какую-нибудь тропинку, то это будет шансом на спасение».

Крис в надежде пошёл дальше, хотя ноги болели и ужасно хотелось пить. Но нужно было идти. Дженкинс думал, что если с сестрой произошло то же самое, то скорее всего она уже умерла (эта мысль пугала ещё сильнее). Она бы не смогла прожить здесь семь дней.

Запахло тухлятиной. Крис осмотрелся по сторонам. Вариантов было несколько: либо где-то неподалёку валяется чья-то мёртвая туша, либо... Дженкинс принялся. Пахнет гнилью. Он спустился по небольшому холму и понял, что подошёл к болоту.

«Вот откуда этот запах...»

Крис попытался мысленно восстановить карту и вспомнил, что болото располагалось почти что в центре леса.

«Чёрт, вот же занесло...»

Был шанс выйти, однако нужно понять, куда идти. Однако без компаса, который Крис оставил в рюкзаке, определить лучшую сторону для продвижения очень трудно. Он попытался вспомнить уроки географии. Но даже если бы и вспомнил, то всё бесполезно. Было ужасно темно.

«Может, стоит переждать ночь и на рассвете сориентироваться?»

От этой мысли всё тело Дженкинса покрыли мурашки. Спать в этом лесу ему совершенно не хотелось.

Крис подошел поближе к болоту, чтобы оценить масштабы и присмотреться к какому-нибудь ориентиру. Из-за темноты болото казалось нескончаемым и чёрным, как смола. Вблизи воняло ещё хуже.

«Видимо, придётся идти обратно и найти место для ночлега...»

Вдруг его пронзила сильная боль в ноге. Крис посвятил фонариком вниз, чтобы понять в чём причина, и ужаснулся. В свете фонаря он увидел чью-то чешуйчатую руку. От страха Крис с силой наступил свободной ногой на неизвестного, но тот не отпустил его, и схватил вторую ногу. Существо грубо потянуло Крису, и он больно упал на землю, но успел схватиться за торчащий поблизости корень дерева. Создание не сдавалось и ещё сильнее потащило свою жертву к себе.

Половина его ног уже были в вонючей воде. Крис, собрав все свои оставшиеся силы, с помощью корня дерева тащил своё тело обратно, на сушу. Удача явно улыбнулась ему, и он уже перетянул своего врага на берег. Из болота раздался скрипучий крик, и Крису удалось выбраться. Он быстро отбежал от проклятого места в тьму. Дженкинс посмотрел в сторону болота и увидел работающий фонарь на берегу. Единственный источник света был потерян.

На поверхности воды появились большие пузыри, стала проявляться чья-то голова. Только свет валяющегося фонаря помог Крису разглядеть своего противника в темноте ночи. Это был не человек. С его рыбоподобной головы, торчащей из воды, свисала длинная борода и волосы. Он весь был покрыт чешуёй и тиной, и больше всего напоминал огромную уродливую рыбу.

Крис испугался, что сейчас монстр побежит за ним, и, быстро развернувшись, направился в противоположное направление. Из-за темноты было очень трудно понять, куда бежать. Его лицо и руки царапали острые ветки деревьев. Он несколько раз спотыкался об корни, но в страхе поднимался и продолжал бежать дальше. В конце концов парень споткнулся об очередную корень и кубарем покатился вниз, в огромную яму.

Несколько секунд Крис тяжело дышал и не мог прийти в себя. После большого падения он перевернулся на спину. Всё тело болело. Он чувствовал несколько ушибов, царапин, грязь и... возможно кровь.

Вокруг было тихо. Крису показалось, что он оглох, пока тишину не прервал шум деревьев, раскачивающиеся на ветру. Потом Крис услышал треск, отдалённые звуки каких-то зверей, вой ночного ветра. Лес жил. Парень понимал, что он здесь не один. В этом месте обитало множество странных, необъяснимых существ.

«Тесно нам здесь», – вспомнились Дженкинсу слова дерева.

Крису стало очень холодно. Он открыл глаза и посмотрел наверх. Однако увидел там не небо, как обычно, а чьё-то огромное лицо. Существо было одним ростом с самыми высокими деревьями. Их листва прикрывала его тело, темно-зелёное и колючее. Лицо существа было покрыто густой бородой. Крис пытался понять, что это: очередная галлюцинация или правда. Он пытался заглянуть в глаза невиданному незнакомцу, но их не было. На месте зрачков сияли жёлтым светом две впадины. Однако всё равно казалось, что монстр, не отрываясь, смотрит на Крису. Из его огромного рта, раздался страшный и гулкий смех.

Крис весь похолодел, когда увидел, что к его брэнному телу тянется огромная рука, покрытая мхом и спорами. Парень попытался отползти подальше, но тело не поддавалось. Оно слишком устало. Крис не мог позвать на помощь. Да и кого звать? Он один в глухом тёмном лесу.

Парень почувствовал, как тонкие жёсткие пальцы схватили его и подняли на несколько метров вверх. Лицо существа наклонилось к парню ближе. Можно было разглядеть его огромные, как будто бы деревянные, зубы. Воняло сыростью.

Криса затрясло. Ему было страшно. Очень страшно. Он никогда в жизни так не боялся. Знобило. Болела грудь. Голова не работала. Крис не знал, что ему делать и даже не мог пошевелиться. Он просто смотрел на огромное лесное существо, на светящиеся впадины. В этом жёлтом свете было что-то безумно страшное, властное. Этот свет как будто уничтожал изнутри.

– Ещё рано, – услышал он грубый нечеловеческий голос. Дженкинс опять почувствовал запах гнили, как будто до сих пор стоял у болота.

От звука услышанного голоса Криса пробил смертельный холод. Он сильно зажмурился и заорал. Кричал так сильно, как никогда. Глотка болела, но он продолжал. Крису хотелось либо сразу же умереть от страха, либо понять, что это просто страшный сон и проснуться у себя дома.

В глаза засветил мерзкий свет фонаря.

– Подними руки, чтобы я их видел, – этот голос был очень знаком Крису.

Он быстро заморгал и, привыкнув к свету, узнал перед собой несколько полицейских.

– Детектив Рэндолл?!

– Подними руки, чтобы я их видел! – прокричал Джонатан ещё раз.

Крис не понимал, зачем ему нужно поднимать руки, но на автомате подчинился. Когда на него надели наручники, Дженкинс увидел, что его руки были запачканы кровью.

– Это не моя!

– Логично. У тебя есть...

– Детектив Рэндолл! Прошу, выслушайте меня! В этом лесу обитают монстры! Чудовища! На меня напало какое-то существо из болота, а потом я увидел гиганта со светящимися глазами, который чуть не убил меня!

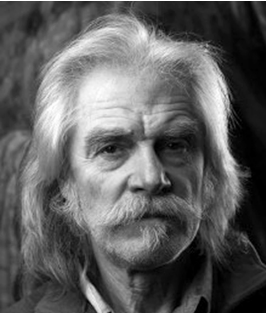
Рэндолл внимательно осмотрел парня и осуждающе покачал головой.

– Про чудовище в болоте и лесных гигантов будешь рассказывать нашему врачу, а мне нужно знать другое. Откуда у тебя кровь и чья она?

– Я не знаю!

– Отлично, тогда будем разговаривать в участке, когда очухаешься, – с этими словами Рэндолл грубо наклонил Крису и повёл к машине, хотя сила была совсем ни к чему – Дженкинс всё равно не смог бы дать отпор.

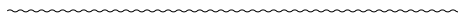
Крису в наручниках довели до полицейской машины. Он не сопротивлялся. Наоборот. Он хотел, чтобы его поскорее увезли отсюда, подальше от этого проклятого леса. Когда Джонатан с напарником выехали на дорогу, Крис стал неистово смеяться. Полицейские переглянулись. Джонатан понял, что ночка будет не самой лёгкой.



СЕРГЕЙ БУСАХИН

Экскурсовод

Перед дальней поездкой мне всегда становится как-то не по себе, беспокойно. Я начинаю нервно ходить по комнате, натыкаюсь на различные предметы, роюсь в уложенном рюкзаке, думая, что забыл положить самую необходимую вещь (на Валааме, куда я уезжаю на полгода работать экскурсоводом, даже отсутствие катушки с нитками может стать проблемой), ставлю чайник на плиту, забывая включить газ и зажечь огонь, и при этом не могу понять, почему вода в чайнике никак не закипает, и, наконец, чтобы немного успокоиться, начинаю смотреть на улицу Гастелло. Сквозь густые кроны деревьев она едва просматривается – узкая и тихая – тянется до Электрозаводского моста, перекинутого через речку Яуза. Напротив – дом смотрит на меня тёмными глазницами окон. На некоторых балконах сохнет разноцветное бельё, другие – завалены житейским хламом. Слева, в переулке, краснеет школа, в которой когда-то учился известный художник Анатолий Зверев. Воздух напоён тонким ароматом вес-



Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

ны. Воркуют голуби. Чирикают воробьи, и весь этот незатейливый мир освещает своим тёплым светом и золотистыми лучами вечное солнце.

Хорошо в это время в Москве, и всё же завтра я уезжаю на остров Валаам. Я так поступаю уже многие годы. Там я пишу пейзажи и вожу экскурсии: рассказываю туристам историю острова и древнего Спасо-Преображенского православного мужского монастыря. Живу на чердаке хозяйственного корпуса Воскресенского скита. Этот скит, построенный в начале двадцатого века, монастырское начальство выделило экскурсоводам. В других скитах живёт братия монастыря.

За час до приезда на Московский вокзал проводник идёт вдоль полка со спящими пассажирами и деревянным голосом произносит одну и ту же фразу:

– Подъезжаем к Санкт-Петербургу... Подъезжаем к Санкт-Петербургу...

Несмотря на бессонную ночь (в поездах я перестал спать после того как однажды спящим свалился с верхней полки и сильно ударился головой, видимо, рефлекс образовался) – в душе ликование и радость от предстоящей встречи с моим любимым островом, словно возвращаюсь в родные края после долгого отсутствия.

Иду по пустынному Невскому проспекту, окутанному серебряистой рассветной дымкой, как всегда, с тяжеленным рюкзаком за плечами, этюдником и холстами в руках, но веса не чувствую, весь поглощённый новыми впечатлениями. Дойдя до Аничкова моста и ритуально полюбовавшись на вздыбленных клодтовских коней, развернулся и не спеша, всё также любуясь архитектурой утреннего Санкт-Петербурга, дошёл до Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, около которой собираются экскурсоводы, отправляющиеся на Валаам. Вскоре подъехал автобус. Мы погрузили в него наши многочисленные вещи, сели и помчались в город Приозёрск, где у причала Владимирской бухты для дальнейшей нашей переброски на остров должен был находиться монастырский катер.

Катер «Игумен Дамаскин» ждал нас уже второй час, и всё это время на его борту томились врачи и санитары Приозёрского психоневрологического диспансера. Они с каменными лицами сидели в салоне и молча ждали нас. Мы приехали, но выражения лиц у них не изменились и такими оставались вплоть до Валаама.

Моросил мелкий дождь. Катер сильно качало на холодных ледяных волнах, а ветер с севера продувал насквозь. Спасаясь

от холода, экскурсоводы забились в салон и дышали там спёртым влажным воздухом, пытаюсь по профессиональной привычке разговаривать окаменевших попутчиков. Мне не хотелось в салон, где подозрительное поведение работников психоневрологического диспансера грозило разрушить моё радужное настроение, и я стоял на палубе, любуясь сизо-фиолетовыми тучами и волнующейся Ладогой, вспоминая ревущие сороковые, когда десять с лишним лет назад на научно-поисковом судне огибал мыс Доброй Надежды...

Наконец-то я у себя на чердаке хозяйственного корпуса Воскресенского скита. Здесь моя Валаамская мастерская: самодельный мольберт, стол, кровать – всё в целости и сохранности, даже обогреватель оказался на месте – не украли! После того как все постройки на острове передали в монастырское владение, наступил долгожданный порядок и кражи прекратились.

В этот раз с первых же дней туристического сезона поток туристов был настолько интенсивен, что свободного времени для творчества почти не оставалось, и многокилометровые экскурсии просто выматывали. Иногда я настолько уставал от этих экскурсионных общений, что приду к себе на чердак, сяду на стул и сижу какое-то время в полной прострации и ничего не соображаю. Тупо смотрю в окно. Вижу, что там сосны беззвучно качаются на ветру, голубое или серое небо – уже не различаю, птицы порхают с ветки на ветку – птенцов выращивают. Я же сижу, равнодушный ко всему на свете, даже кисти не могу в руки взять, чтобы продолжить начатую несколько дней назад картину... Вдруг кто-то в дверь начинает барабанить неистово, и я не успеваю спросить: «Кто там?» – а уж про слово «войдите» я просто молчу, как дверь распаивается, и входит толстый мужик. От него несёт перегаром, колбасой и ещё чем-то ужасным. Кто он такой, я уже и не помню. А, это турист из моей сегодняшней группы интересуется моими «апартаментами», мол, выпил, и страсть как захотелось ему посмотреть... Мужик, насмотревшись, давно ушёл, и его образ постепенно стирается из моего сознания, только запах дешёвой колбасы никуда пока не делся и всё ещё донимает меня. «Почему они её так фанатично любят? – почему-то думаю я. – У этих людей что-то зверское появляется в лицах и повадки хищного зверя или ящера».

Однажды, идя на этюды, я увидел, как здоровенная жирная чайка заклёвывает другую, меньшего размера. Я стал кричать и бросать в

неё ветками, и жирная испугалась и улетела, а маленькая встряхнулась и спокойно принялась чистить свои перья, словно бы ничего и не происходило. Её равнодушие меня поразило, и я пошёл дальше с удивлением в душе и мыслью: «Чего-то я не понимаю в этой природе. Раньше находил на берегу растерзанных чаек. Видимо, так они избавляются от слабых и больных. У людей, слава Богу, всё наоборот». Только красивый вид вернул мне радостное настроение, и я принялся писать, забыв обо всём на свете.

* * *

С лицом фанатика он болтал без умолку и иногда как-то оригинально подсвистывал своим длинным носом. Отрешённо слушал, о чём я рассказывал на остановках, и, когда я умолкал и мы двигались дальше, сразу же подходил ко мне и начинал пичкать меня своими бесконечными историями: что он коллекционер и раньше собирал картины русских художников второй половины девятнадцатого века, и только тех, кто писал картины на Валааме, но в конце концов поддался на уговоры своих коллег, мол, это художники вторичные, а надо иметь первооткрывателей. Ты, дескать, сплеховал и зря спустил свой капитал. Он тогда распродал всех «вторичных» и на вырученные деньги стал покупать «первичных» – русский авангард начала двадцатого века. И он с таким счастливым лицом мне это рассказывал, словно заключил сделку века и уже никто его не обскочет на этом поприще.

– И от каких же художников вы избавились? – спросил я его с надеждой услышать имена неизвестных или малоизвестных живописцев.

– Балашов, Шишкин, Каменев, Джогин, Гине, Куинджи, и даже этуод гениального Фёдора Васильева не пожалел, – радостно и возбуждённо свистнул он носом, – зато теперь у меня в коллекции картины художников групп «Бубновый валет» и «Ослиный хвост» – Шагала, Малевича – и мои коллеги поздравили меня с таким достойным приобретением.

Потом он принялся восторгаться художником Добровым.

– Невероятно талантливый художник! Такие сатирические картины на наших чиновников делает! Потрясающе! А какие пейзажи пишет! Не то что сегодняшние бездари, а как писали старые мастера – всё выписывает. Я у него много картин купил.

– А не тот ли это Добров, что на Валааме в семидесятых годах инвалидов войны рисовал? Здесь же с пятидесятих годов для них интернат организовали и закрыли его только в 84-м году, – перебил я словоохотливого коллекционера. – Рисунки очень страшные были. Вы их видели?

– Что-то не припоминаю, – наморщил он лоб. – Может, где-то у него и хранятся эти рисунки, но мне он их не демонстрировал. А вы где их видели?

– В каком-то журнале, а в каком, уже не помню.

– Жаль, – протянул мой собеседник и, посвистев носом, наконец-то замолчал.

«Странный какой-то коллекционер, – подумал я, – непонятно, что ему надо от живописи? Распродал наших гениальных художников и купил авангардистов, да я и сомневаюсь, что ему подлинники продали. Этих примитивных художников очень легко подделывают, в то же время расхваливает, видимо, однофамильца Доброва, который пишет картины, как старые мастера, и всё выписывает и, естественно, новатором в понимании его коллег не является. Да я уже и сомневаюсь: коллекционер ли он или Хлестаков от искусства?»

Что-то странное происходит вокруг меня, но я пока не осознаю этого, не «врубаюсь», потому и в дневник ничего не пишу. Стихи тоже меня оставили. Прихожу на свой чердак, сажусь за стол и жду, авось что-нибудь проклянется. Но всё напрасно – экскурсии меня выедают, как червяк яблоко, и просвета пока не видать. Одна радость – чувство красоты не покинуло меня и продолжает восхищать, как и прежде.

Вечером ко мне подошла Нонна – она у нас назначает экскурсоводов на экскурсии – и таинственным голосом сообщила, подозрительно поглядывая по сторонам:

– Только в обморок не падай. Завтра будешь с Путиным работать. Не испугаешься?

– С чего бы это? Но только вряд ли меня подпустят к нему. Такие экскурсии сам игумен проводит.

– Скорее всего, что так и будет, но игумен просил прислать экскурсовода. Вот мы тебя как одного из самых опытных и посылаем. Мы на тебя надеемся.

В ожидании Путина я стоял в монастырском дворе и от нечего делать предавался размышлениям: «Боже мой, сколько же на

острове таинственных людей проживает, один юродивый Вася чего стоит. На днях Вася продавал на пристани картинки какого-то художника. К нему подбежала группа ребятишек и вместе с ними придурковатая девочка, которая схватила грязными руками акварель и деловито стала её ковырять. Я сказал ей, что так с картинами нельзя обращаться. Вася услышал и отнял у деловитой девочки произведение искусства и водрузил его на замызганный оргалитовый щит, на котором висели другие картинки. Девочка не успокоилась и, включив таившуюся в ней актрису, деланным елейным голоском принялась врать, мол, у неё болеет дедушка, и если он не хочет подарить эту акварель, то не мог бы он что-нибудь нарисовать для умирающего дедушки. Вася тут же расчувствовался, заплакал навзрыд и всех прогнал, и придурковатую девочку тоже, чтобы дети не видели его слёз. Вволю наплакавшись, он решил поднять цену на злосчастную акварель до двадцати долларов и очень возмутился, когда иностранная туристка, удивлённо глядя на Васю, видимо, принимая за местного художника, переспросила его, думая, что это цена в рублях. Возмущение его было настолько велико, что он выхватил акварель из рук покупательницы и на глазах оторопевшей женщины порвал её на мелкие клочки. Иностранная туристка так испугалась, что без оглядки убежала на свой теплоход.

Однако меня это восхищает. Здесь почти все – не от мира сего. Влияет, вероятно, замкнутость пространства? Или это такой особенный остров, что притягивает к себе не устроенных в жизни людей? Может быть... Я ведь тоже от них недалеко ушёл. Все мои интересы сводятся только к живописи. В ней-то я и нахожу утешение, даже книжки перестал читать. После экскурсии хватаю этюдник и бегу на природу утешаться. Каждому своё, как говорится. Вот у Васи – застой. Ничего не рисует, только чужие картинки на пристани продаёт за проценты, а по ночам книжки читает. Говорит: «Оторваться не могу: за три ночи девятьсот страниц прочитал и ещё столько же прочитаю».

Вдруг во двор въехала «газель». Из неё вышли игумен и его гости, но Путина среди них не оказалось.

Мы с игуменом всё что можно рассказали про монастырь, походили вокруг, показывая достопримечательности, после чего сели в «газель» и понеслись на всех парах к Германову полю – туда, где вертолётная площадка. Только вышли из машины, как над нами закружил вертолёт и вскоре пошёл на посадку.

Когда он приземлился и открылась дверь, из вертолѐта стали выходить пассажиры. Игумен был уже рядом и встречал новых гостей. Я же вместе со старыми гостями и охраной остался ждать у дороги. Вижу, с игуменом первым целуется какой-то небольшого роста человек в белом джинсовом костюме, после чего направляется в нашу сторону, а игумен уже приветствует других гостей. Путина я среди них не обнаружил, как ни напрягал своё зрение. «Наверное, он не приехал, – подумал я, – а человек в джинсовом костюме – из его команды». Я смотрю по сторонам, желая узнать, кто же этот таинственный незнакомец и какую должность занимает при Путине, но, к моему изумлению, тех, с кем я только что разговаривал, словно ветром сдуло. Никого! Один я остался, как перст, стою на дороге в полной растерянности. Внезапно у меня мелькнула мысль: «Может, я чего-то не понял, и мне тоже надо было куда-нибудь убежать и спрятаться, например, в лесной чаще?», – но было поздно, так как таинственный незнакомец вышел на дорогу. Наши взгляды встретились, и тут он внезапно превратился в Путина. От неожиданности я даже не представился ему, а только поздоровался. Путин ответил и быстро прошёл в «газель».

Вскоре подтянулись и другие гости и, весело переговариваясь между собой, стали рассаживаться по разным машинам, а на меня никто не обращал внимания, видимо, принимая за охранника или местного жителя, пришедшего от нечего делать поглазеть на знатную публику. Я подхожу к игумену, который уже сидит вместе с Путиным и о чём-то с ним оживлённо беседует с улыбкой на устах.

– Отец Панкратий, а мне-то в какую машину садиться? – с тревогой в голосе спрашиваю развеселившегося игумена.

– Туда, – словно от назойливой мухи отмахивается он от меня и продолжает балагурить с Путиным.

Я сел в автобус с охраной, и мы, словно на военных учениях, помчались к пристани Никольского скита, где в ожидании президента стояли два могучих ультрамариновых катера. «Газель» с Путиным и игуменом на перекрёстке у поклонного креста свернула налево и укатила во Владимирский скит, а мы прямо через Центральную усадьбу – на Никольский остров.

В ожидании высшего начальства я провёл экскурсию по Никольскому скиту. Из моего рассказа гости особенно отреагировали на сообщение, что монахи этого скита устраивали досмотр всех судов, приходивших на остров, и отбирали «дьявольские соблазны» – вино

и табак, после чего, побросав их в воду, выдавали специальный проездной билет, который приезжие предъявляли монаху-гостиннику, а без него в гостиницу не селили.

– Сегодня в Никольском скиту таможня не предусмотрена, – успокоил я насторожившихся гостей, – а каждый четверг здесь совершается Божественная литургия в честь святого Николая.

Когда подъехала путинская «газель», все молча и притко принялись рассаживаться по катерам, причём ни у кого никаких вопросов не возникало, словно уже до этого их всех подробно проинструктировали, кому и в какой катер надо садиться, а я опять не получаю никакого сигнала на мои дальнейшие действия. Вижу, отец Макарий, ответственный за приём гостей, тоже как неприкаянный стоит на пристани и тоже не знает, что ему делать. Я подхожу к нему торопливо и, чувствуя себя сиротой казанской, спрашиваю:

– Отец Макарий, как вы думаете: заходить мне на катер или с пристани созерцать их отплытие в Ладожское озеро?

Отец Макарий каким-то отсутствующим взором посмотрел на меня и сказал:

– Идите, Сергей, вдруг вы им зачем-то понадобится, – и стал меня подталкивать к катеру, в котором скрылись Путин и игумен.

Подойдя к катеру, я уж было хотел лёгким прыжком преодолеть расстояние от пристани до палубы, но не успел даже напряжиться толчковую ногу, как чьи-то могучие руки подхватили меня под локти и отнесли на прежнее место, а откуда-то сверху, словно с небес, раздался ласковый бас-профундо:

– Всё, на этом ваша работа закончилась.

Катера, взревев космическими двигателями, улетели в Ильинский скит, оставив меня и отца Макария единственными наблюдателями этого необыкновенного зрелища.

Таким образом, экскурсия с Путиным у меня состояла только из одного слова: «Здравствуйте». Если бы все экскурсии так проходили! Я тут же представил себе, как из теплохода на пристань выходят туристы, я им говорю: «Здравствуйте», они мне отвечают, а я молча разворачиваюсь и ухожу писать этюды. В свою очередь, довольные таким познавательным посещением Валаама, туристы возвращаются на теплоход, радостно переговариваясь: «Какой знающий экскурсовод нам сегодня достался – все бы такие были!»

– Отец Макарий, меня кто-нибудь доведёт до Воскресенского скита, а то далековато пешком-то идти, километров восемь – не меньше?

– Вы же видите, что делается, Сергей, не до вас сейчас.

Я попрощался и пошёл пешком, думая, что отец Макарий останется в Никольском скиту и будет дожидаться возвращения гостей. Но когда я уже находился в конце последнего пролёта деревянного моста, соединившего Валаам с Никольским островом, меня догнал на своём внедорожнике отец Макарий и предложил подвезти до монастыря...

В монастыре я зашёл в паломническую трапезную и пообедал, после чего, приободрённый, спустился к монастырской пристани и обнаружил там таксиста Володю, усердно накачивающего спустившееся колесо. В салоне сидело только два туриста, опаздывающих на теплоход, который уже через полчаса должен был отойти от пристани Большой Никоновской бухты. Володя согласился меня подвезти, и через минут двадцать я уже поднимался на Сионскую гору к Воскресенскому скиту.

Сидя у себя на чердаке и переживая события прошедшего дня, я вдруг подумал, что телевизор здорово искажает внешность человека и, например, встретив Путина на улице, я запросто мог бы его не узнать.

Ветры, ветры, суровые северные ветры – иногда они надолго овладевают нашим островом, проникая сквозь скалы и лесные чащи, они валят могучие сосны и ели, порой выворачивая их с корнем. Как пушинки, мечутся по воздуху корявые толстые сучья и тяжёлые разлапистые хвойные ветви. Ветер срывает с крыш кровельное железо и уносит его в холодные воды разбушевавшегося Ладожского озера. Северные ветры продувают весь остров, унося с собой воспоминания прожитого лета, а придёт время, и нас с Лео выдуют с острова навсегда – эти неумолимые и равнодушные северные ветры...

– Бусахин, ты опять строишь свой дневник? – Лео отрывается от картины и насмешливо смотрит на меня. – Лучше бы пошёл этюды написал. Я вон сегодня новый рекорд установил: пятьдесят три этюда нашлёпал! Весь день, как папа Карло, пахал. Осенью я больше всего люблю писать. Если хочешь, пойдём на Царскую тропу – закат напишем. Вот сейчас доделаю картину, и пойдём.

Я откладываю шариковую ручку в сторону и тру уставшие глаза. Потом восторженно смотрю на моего друга, который поглощён живописным процессом, и в настоящее время для него ничего не существует, кроме картины. Если его прервать в этот момент, то взрыв эмоций неминуем. Однажды, когда к нам без стука вошёл очеред-

ной назойливый посетитель, Лео с досады швырнул кисть на пол и, выругавшись, выскочил из комнаты. Пришлось мне объяснять посетителю, что такое творческий процесс. «Я всего лишь на минутку зашёл, – огорчённо проговорил он. – Скоро теплоход отходит. Хотел только картину купить». «Секундочку подождите», – сказал я и, выйдя из комнаты, обнаружил Лео нервно курящим на крыльце... Вскоре довольный посетитель с картиной под мышкой уже спешил на теплоход.

Этюды. Мы написали их бесщётное количество за эти годы. Это прелесть художника. Их, как правило, понимают и любят только сами художники. Для людей непосвящённых – это всего лишь «гадкие утята». На них, видите ли, «мазки очень грубые проступают», и поэтому «вблизи ничего не поймёшь». Мы же пишем их и наслаждаемся не только быстро схваченным состоянием природы, но и красивыми мазками.

– Мазков им, видите ли, не надо! – возмущается Лео. – Да настоящая живопись только на мазках и держится. Вон Рембрандт какие мазки делал – с палец толщиной, а его картины в лучших музеях мира висят. Где истина?

– Истина, мой друг, как всегда, рядом, и когда-нибудь мы с тобой её обнаружим, а может быть, и обнаружили давно, да только не знаем этого, – успокаиваю я его.

Появление экскурсовода Чекушкина отвлекло нас от столь философского вопроса. Он, как всегда, без стука вломился к нам и уставился на нас мутным взором. В руках он держал квадратную бутылку шотландского виски.

– Ну что, художнички, пить будем? Или вы на этюды собираетесь, и поэтому мне придётся одному пить эту дрянь, которую мне мои туристы презентовали?

– Я буду, – сразу же откликнулся Лео, – а Бусахин пусть один на этюды идёт. Я и так сегодня пятьдесят три этюда написал, а он только и знает, что рассказы свои дурацкие строчит. Ему полезно проветриться.

Чекушкин взмахнул бутылкой, словно дирижёр палочкой, и, покачнувшись, чуть не упал, но всё же устоял на ногах и, набычившись, произнёс.

– Без Бусахина и капли не выпью. Я писателей очень уважаю. Хоть один нормальный человек в нашей среде находится. Мы когда-нибудь сопьёмся, а он в облаках будет витать.

Даже не пытаюсь понять тайный смысл последней фразы, с таким пафосом произнесённой Чекушкиным, я остался... Мы пили шотландскую «дрянь» с каким-то дутовым привкусом, удивляясь странным вкусовым пристрастиям шотландцев. После первой рюмки Лео подозрительно посмотрел на нашего гостя и сказал:

– Даже наш первач и то лучше, чем это не пойми чего. Мне почему-то кажется, что ты сам чего-то нахимичил и залил в иностранную бутылку, а потом решил на нас проверить.

– Больше мне делать нечего. В благодарность за мои суперэкскурсии туристы и раньше мне такую же бутылку презентовали, в буфете на теплоходе их полным-полно, как видишь: не помер пока. Надо к ней привыкнуть, тогда будешь пить за милую душу!

Потом разговор перекинулся на живопись, ну а там уж, как водится, выяснение отношений между Чекушкиным и Лео: кто из них великий художник, а кто – гениальный и кто главнее. (Чекушкин когда-то закончил художественное училище в Ленинграде и, по его словам, даже написал две гениальные картины на Валааме, которые в дальнейшем уничтожил, посчитав их недостойными его истинного таланта живописца, и с тех пор, уверовав в свою незаурядность, кисти в руки не брал, надеясь на внезапное вдохновение.) Я не знаю, сколько бы это продолжалось, но вдруг открывается дверь, и нерешительно, как-то боком, вползает юродивый Василий. Было видно, что он уже навеселе и ему очень хочется найти подходящую компанию и поделиться своими мыслями.

– Привет, Вася! Хорошо, что ты зашёл к нам. У нас тут насущный вопрос образовался. Никак не можем решить: кто из них великий художник, а кто гений. Рассуди этих двух эгоцентристов, иначе радость питания пропадает, – сказал я, обрадованный его приходу.

Вася, смекнул, что никто его выгонять не собирается, сразу же напыжился и, выпятив грудь колесом, захохотал, после чего вынул из обтрёпанного пластикового пакета две бутылки «Онежской» водки и поставил на стол, чем вызвал бурю радостных эмоций у спорщиков.

– Я думаю так, – сказал Вася, – великий художник – это тот, кто написал много больших картин и таким образом прославился, а гениальный – может создать всего одну картину и становится известен всему миру.

– Bravo! – заорал Чекушкин и кинулся обнимать оторопевшего Василия. – Вот они, философы нашего времени, пропадают на

Валааме! А ведь, глядя на тебя, и не подумаешь, что ты у нас такой затаенник – вечно дурачком прикидываешься и под юродивого ко-шишь!

– У меня с детства такой вид, – обрадовался Василий, – из-за этого в сумасшедшем доме три года провёл, а потом решили на Валаам меня определить, сказали, что мне здесь лучше будет. Я на Валааме и решил художником стать. Теперь мои картинки на вес золота – так меня обнадёжил один искусствовед из самого Эрмитажа. Вот и сегодня буфетчик с теплохода рассказал мне, что один немецкий турист выпрашивал у него мою картинку, которую я ему когда-то подарил за то, что он недоеденную туристами снедь мне отдаёт, и предлагал за неё двести евро, а он не продал – на чёрный день себе оставил.

– Врёшь! – завопил Лео. – Чтобы немец давал двести евро! Быть такого не может! Такого немца в природе не существует!

– Ей-богу, не вру! – клянётся Василий. – Мы с ним даже выпили по этому поводу. Буфетчик на радостях, что ему такая дорогая картинка бесплатно досталась, мне вот эти две бутылки «Онежской» с собой выделил.

– Может, немец пьяный был, – говорю я, – всё-таки дело как-никак в буфете происходило. Я и сам, когда выпью, так мне всё необычным кажется.

Все засмеялись, и мы, весело переговариваясь, продолжили своё шумное застолье. Постепенно в комнате стало так душно, что я не выдержал и вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. Ночь незаметно спустилась на Валаам. На фоне мерцающей синевы красиво смотрелись тёмные вершины сосен и елей. Сквозь стволы и ветви светилась кроваво-красная полоса угасающего заката. Ветра не было, и стояла неподвижная густая тишина. Только иногда вдалеке, на метеостанции, лаяла дворовая собака, а над валаамским лесом поднималась громадная жёлтая луна, освещающая лёгкие облака и посылая на землю холодные бледные лучи.

– Эй! Ты куда ушёл? – на крыльцо вышел Чекушкин. – У нас ещё много всего осталось. Видишь, я пока самостоятельно передвигаюсь и только разохотился, а луна твоя никуда не денется. Она и вчера такой же была.

– Не так я луной интересуюсь, как поиском истины. Я чувствую – она где-то рядом. У меня от этого чувства даже сердцебиение порой замедляется и дыхание спирает в груди, а мысли словно в гигантскую воронку начинает затягивать...

– Истину искать – всё равно что палец в воду макать. Истина в нас самих заключена, и всё, что вокруг нас, – истина. Она бесконечна и поэтому человеком не познаваема.

– Я вот, когда на днях свои часы ремонтировал, – слышался из темноты голос Василия, – понял вдруг, что через их механику в некий сакральный мир проникаю, так даже со стула упал с перепугу. Теперь вот хожу в загадочном состоянии. Ничего не понимаю.

Внезапно запахло дешёвыми сигаретами, и в облаках дыма на крыльце появился Лео. В его прищуренных глазах сквозило удовольствие от выпитых напитков. Он глубоко затянулся и выпустил струю ядовитого дыма, затем весело посмотрел на луну.

– А вообще-то, были американцы на луне или в очередной раз всему миру голову заморочили? – задал он неизвестно кому столь неожиданный вопрос.

– Дай закурить, – ошарашенный неуместным вопросом, обратился Чекушкин к разомлевшему художнику. – Мало того, что Васяка меня своими умственными выкрутасами расстроил, так ещё и ты мне американцев подсовываешь.

– Что ты юродивого слушаешь! Он рождён не чинить часы, а ломать, и таким образом нарушать стройный ход времени. Не были они на луне, иначе бы они до сих пор там сидели, – ни к селу ни к городу продолжил он американскую тему и, свирепо выпустив очередную порцию дыма, достал сигарету и протянул её изумлённо вздравшему на него Чекушкину.

После таких сердитых слов моего друга в его сторону и особенно утверждения, что американцы не были на луне, Вася съёжился и спрятался за спиной Чекушкина и оттуда испуганно стал наблюдать за подвыпившим «политологом».

На иссиня-чёрном небе высыпали звёзды, некоторые падали, оставляя за собой серебристый след.

– Смотри-ка, звёзды падают, – нарушил тишину Василий и заплакал, – а на них, может быть, живые существа проживают, – едва проговорил он, громко всхлипывая.

– Так и наша Земля когда-нибудь упадёт, – не думая брякнул я, мечтательно созерцая падающие звёзды.

– Не упадёт, – сквозь слёзы проговорил Вася, – я прошлой ночью одну статью прочитал. В ней написано, будто бы луна – это космический корабль, который пригнали инопланетяне, чтобы он своим притяжением держал землю.

– Хватит чепуху молоть, – развеселился Лео, докуривая сигарету, – радуйся жизни, пока живёшь, и что американцы всех надули и не были на луне, а то, глядишь, и нас бы сегодня не было. Вот вам и вся истина, – упёрся рогом новоявленный «политолог», упрямо продолжая разоблачать Америку.

– Лео, – не выдержал я, – чего ты к Америке привязался. Бог ей судья. Лучше посмотри какой чудесный звездопад. Я ещё такого небесного салюта не видел.

– И то верно, – угрюмо и с неослабеваемым изумлением продолжая глядеть на Лео, произнёс Чекушкин.

– Всё же мне непонятно: зачем человек на Земле проживает, – робко подал свой голос успокоившийся Василий.

– Это одному Богу известно. Сколько часов ни ремонтируй – не узнаешь, но истина где-то рядом, – подбодрил я Василия.

– И то верно, – тяжело вздохнул Чекушкин.

После этих слов все притихли и стали рассматривать звёздное небо, с которого то и дело срывались и падали звёзды.

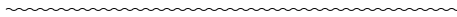


ИННА ДЁМИНА

22 рубля 47 копеек

Сегодня был один из тех редких дней в жизни, когда пылинка может стать и становится значимым явлением, достойным литературно-художественного осмысления. Правда, если ты способен москью превратить в слона.

Только-только закончились терзания Covid-19, как без передышки подступило время подготовки духа и тела к госпитализации. Чтобы госпитализация состоялась, надо пройти консультацию в госпитале и получить от него конкретную дату госпитализации. За две недели до госпитализации начинается настоящий марафон. Это пройти три-четыре исследования, для чего необходимо встретиться с врачами-специалистами, чтобы получить от них направление на исследование. Зафиксировать направление в некоей точке, которая назначит дату исследования. Затем само исследование, ожидание результатов. Далее – сдача анализов только натошак с восьми до одиннадцати утра. Лечебный центр находится в полуторачасовой поездке в одну сторону от дома. Когда жизнь уже пройдена и за твоими плечами восемь десятков,



Дёмина Инна Владимировна – к.п.н., автор пятидесяти научных публикаций. Член Союза писателей РФ, поэт, прозаик, автор десяти литературно-художественных книг, три из которых изданы в пандемическом 2020-м году. Печатается в журналах, альманахах. Победила в поэтическом турнире 2018 г. Награждена юбилейной медалью «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Московской городской организацией СП России. Работает в литературных гостиных В.М. Богданова, Л.У. Звонарёвой, В.Н. Иванова.

встать в нужное время – каждый раз душевная борьба, и не всегда тебя ждёт победа.

Время течёт, жизнь продолжается. Госпитализация – уже пройденный этап. Ты дома. Но теперь ты обложен со всех сторон другими, новыми медицинскими ограничениями-санкциями. Должен быть осторожен, внимателен к себе, сдержан, выполнять все предписания. Первое обязательное послеоперационное посещение профильного доктора выдерживается с трудом. Ты ещё не очень здоров, слаб, быстро утомляем. Сидеть в очереди на приём приходится долго. Поскольку врач знающ, опытен, обстоятелен, неспешен (ведёт приём только до 14 часов), к нему всегда очень много пациентов.

А жизнь твоя уже давно вступила в стадию, характеризующуюся днём одного дела. На что-то другое ты уже не способен. В 15 часов после визита к доктору ты уже дома. Распластаться бы сейчас на кровати, прийти в себя, тем более после обеда! Звонит звонок. Звонят из банка. Просят сегодня-завтра приехать в офис. Завтра ты не можешь, потому что уже есть предварительная договорённость о встрече с друзьями. Значит, нужно ехать в банк сегодня. Собираешься, едешь. В банке оживлённо, много людей. Очередь, излишняя подвижность. Наконец в 18 часов, ура, ты дома! Но звонят. Снова из банка. Извиняясь, просят приехать, предупреждают – банк работает до 20 часов. Поднимая своё, ставшее совсем непослушным, потому неподъёмным тело, медленно одеваясь (картина напоминает замедленную съёмку), ты, почти чертыхаясь, но одновременно и молясь, чтобы хватило сил, отправляешься в дорогу. Оказывается, электронная система дала сбой, потеряла при подсчёте 22 рубля 47 копеек в пользу вкладчика! Эту сумму СРОЧНО (почему-то?) нужно было вернуть клиенту! Вручение пылинки клиенту, т.е. тебе, стоило тебе большой «крови». Постфактум можно и посмеяться над двадцатью двумя рублями, но тогда было, честно скажем, не до смеха.

9 июля 2022 г., за «бортом» дождь и 22 градуса после продолжительной опасной тридцатиградусной жары. Так что никогда не бывает, чтоб было всё плохо.



НИНА НАЗАРОВА

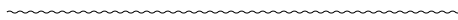
Новогоднее счастье

Вера вошла в маленькое, но уютное кафе. Краем глаза заметила, что следом за ней вошёл мужчина, быстро севший у окна спиной к ней. Делая заказ, она отвлеклась и забыла про него. Длительной прогулкой выбить из себя дрянное настроение не удалось, а вот сильно замерзнуть получилось сполна. Многочасовое блуждание по улицам города давало о себе знать охватившей усталостью и внутренним холодом. Ей даже захотелось что-нибудь выпить, чтобы согреться, решила она только на глинтвейн. Пусть хоть так...

Сидя за стойкой, Вера задумчиво вертела бокал. Предновогодняя неделя... Время подарков... Она сделала глоток обжигающего напитка.

Подарки... Как же она любила раньше делать их всем... Новый год! Пора всего самого-самого... Чего?!

Вера сделала ещё глоток. Внутри стало чуть теплее. Озноб медленно уходил.



Назарова Нина Павловна родилась в 1951 году в Подмосковье. Живёт в Москве. Образование высшее (химик-технолог). Писать начала в начале 2000-х гг. В основе творчества – небольшого формата новеллы романтического и притчевого содержания, зарисовки о природе, стихи. Главное в них – любовь, вера, надежда на сохранение нравственных качеств человека.

Учится на актёрском курсе московского Театрального центра «Станиславский». Ведёт клуб «Друзья поэтов».

«И что ты раскисла? Всё очень хорошо. Скоро Новый год. Очередной. Сколько их уже было в жизни? Но сейчас не об этом... Ах, да, у меня всё хорошо», – словно повторяя мантру, проговорила она.

«Семья есть? Есть. А что такое – семья? Муж? Да, есть. Но почему тогда я одна гуляю и брожу привидением? Да потому что ему ничего не надо. Всё интересное мне ему не интересно, нет. Ни в гости, ни в театр, ни в музеи ходить не любит. Вот поэтому и брожу одна. – Она начала согреваться, но при этом и заметно хмелеть. – Дети? Есть, даже несколько. Правда, где один живёт, даже не знаем. У него жена, дочка, то есть наша внучка. Она уже большая, девушка, но мы её не видим. Отказался он от нас. А я нет, не отказалась, потому что люблю их. Молюсь, чтобы Господь простил ему этот грех. Другой сын живёт с нами, но и его будто нет. Сидим рядом, а говорить не о чем. Упустила я время, чтобы стать с ними близкими душами. Вот и пожинаю теперь плоды. День рождения он отмечает только с друзьями, нас никогда не приглашает... Но он хороший парень. Дай, Боже, ему жену под стать».

Вера разомлела от тепла. Один бокал был уже пуст, заказала второй.

«Да, у меня, у нас ещё и дочка, внук, зять. С дочкой, слава Богу, отношения хорошие. Она у нас умница... Но всё-таки проглядела я что-то важное, где и когда?..»

Она думала, что всё это говорит про себя, а оказалось, говорила вслух. Опомнилась, в жар от стыда бросило. Полезла в карман за платком, а вытащила листок. С недоумением посмотрела на него и начала медленно читать.

Я возвращаюсь, возвращаюсь, возвращаюсь...

А счастье где? Оно вперёд идёт.

Я от него всё больше удаляюсь,

Всё потому, что я – назад, оно – вперёд идёт.

Но разве можно так? Остановилась.

Я не хочу назад, там счастья нет.

Смотрю вперёд. Оно остановилось.

Там счастье, впереди стоит и ждёт.

К нему бегу, забыв запреты.

Как можно было столько лет

*Не видеть явные приметы
Того, что верит, любит, ждёт?..*

Закончила читать, перечитала ещё раз и тоже вслух. Огляделась, будто ища счастье наяву здесь, в кафе. Её растерянный взгляд упал на мужчину, сидевшего у окна спиной к ней. Что-то очень знакомое в нём притягивало её.

И тут он повернулся к ней.

«Боже мой! Не может быть! Как? Почему так?»

В памяти всплыли прочитанные строки:

*Не видеть явные приметы
Того, что верит, любит, ждёт.*

Вера медленно подошла к его столику, неуклюже села (всё-таки глинтвейн дал о себе знать).

– Ты? Ты всё время шёл за мной? Как ты мог меня одну отпустить? Ты так нужен мне! Я одна гуляла, замёрзла, устала, напилась... – чуть слышно шептала она. – Счастье ты моё новогоднее... – Она положила голову ему на плечо. С неё разом сошло всё напряжение, исчезло чувство одиночества, наступило полное расслабление. Со счастливой улыбкой Вера провалилась в сон.

Маленькое уютное кафе. У окна сидят двое. Мужчина нежно обнимает уснувшую на его плече женщину. Их лица светятся от радости встречи. Новогоднее счастье вновь соединило их, как сорок лет назад. Он любил и любит эту единственную женщину в его жизни, подарившую ему троих детей, создавшую уютный дом, нежную, неповторимо прекрасную.

Их новогоднее счастье окутало посетителей кафе радостью открытия своих любимых. Счастье было повсюду: в улыбках официантов, разноцветных ёлочных огнях и игрушках, в мандаринах и конфетах. Оно витало в воздухе над всем миром!

Люди! Счастье улыбается всем!

Ему надо только открыться!



ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Проливной дождь

1

Игорь Валерьевич Челноков не был на работе пять дней. Три дня отсутствия были связаны с командировкой по санавиации, а следующие два дня были выходными, обычными субботой и воскресеньем, в которых не было дежурств ни по институту, ни по клинике. Пятидневное отсутствие на работе отразилось несколько возвышенным и даже праздничным восприятием привычного труда. Однако такое настроение достаточно быстро сменилось ощущением тревоги и ожиданием неприятностей.

Пятиминутка в отделении прошла довольно быстро и скромно. Профессор Лукерья Елисеевна Папонова на ней не присутствовала. Не было на ней и Елены Алексеевны Фонарёвой, которая по всем вопросам считалась негласным заместителем заведующей. Из той половины отделения пятиминутку посетили только две молодые женщины – врачи-ординаторы. Конференцию всего института опять-таки не посетили ни Папонова, ни Фонарёва. И хотя, проходя

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

по длинному коридору, Челноков с удовольствием улыбался, здоровался и перебрасывался отдельными репликами с коллегами из других отделений, ощущение тревоги не только не проходило, но нарастало.

Войдя в отделение, Челноков увидел, что дверь кабинета Фонарёвой раскрыта настежь, и Елена какая-то уставшая, постаревшая стоит в незастёгнутом медицинском халате, тяжело опираясь спиной о косяк. При этом находящаяся рядом дверь кабинета заведующей закрыта наглухо.

– Здравствуй, Лена, – обратился к Фонарёвой Челноков. – Как дела?

– Да не здорово, как часто у нас бывает. А как твой вылет по са-навации?

– Было над чем подумать, но разобрался. Пациент не нашего профиля. Ему на месте необходимую помощь окажут. А что ты такая грустная, подавленная?

Елена оторвалась от косяка, приблизилась к Челнокову почти вплотную и, прикрыв рот сбоку ладонью, на ухо шепнула: «На нашей половине, Игорь, за два года вторая девочка из одной семьи умерла. Помнишь, два года назад мы потеряли такую красивую Соню, которая хорошо рисовала, стихи писала, очень любила музыку слушать... А вчера ночью, через два года после Сони, умерла её сестрёнка Вера. Диагноз тот же. Представляешь, каково родителям?»

2

...Прошло несколько лет. И в один из дней в отделение пришли улыбающийся счастливый отец с мальчиком лет четырёх на руках и его изящная милая жена с мягкой полуулыбкой на лице и смущённым взглядом, обращённым в пол.

Конечно, все сотрудники отделения – медсёстры, врачи, ординаторы, младшие и старшие научные сотрудники, проходя мимо описанной троицы, радостно узнавали родителей и приветствовали мальчика в костюмчике моряка и бескозырке на голове. А малыш от смущения крепко обнимал отца за шею, прижимался щекой к его щеке и стеснялся обернуть голову к незнакомым тётям и дядям в белых халатах.

Наконец кабинет профессора Папоновой открылся. Из него вышли после важного служебного совещания серьёзные и немолодые

дяди и тётки в белых халатах. Каждый нёс в руках служебную папочку. Вероятно, закончилось обсуждение какой-то новой важной программы лечения детей с архисложными диагнозами. За ними на пороге своего кабинета появилась Лукерья Елисеевна, увидела семью с ребёнком, тотчас узнала их, приветливо, радостно заулыбалась, поздоровалась и широким жестом пригласила в свой небольшой кабинет.

Конечно, с самого начала всё внимание было уделено ребёнку. Доброту и искренность дети ощущают моментально. Для этого не требуется конфет, печенья, соков, шоколадок. Ребёнок быстро раскрепостился в кабинете профессора, сказал, что его зовут Саша, и что он, когда вырастет, будет строить дома, как папа, или, может быть, водить большую грузовую машину. Но можно и космонавтом стать, что тоже очень интересно, правда, трудно, как говорит папа. Но пока не разрешает мама.

Потом мальчик не воспротивился снять матроску и майку, дал себя послушать, полежал на кушетке, пока тётя-профессор его внимательно осматривала и мяла ему животик. Рот он открыл охотно сам, высунул язык и произнёс долгое «А-а-а» – да так здорово, что применять шпатель или чайную ложечку не потребовалось. Когда осмотр был окончен, Саша быстро самостоятельно оделся и подбежал к маме, шепнув ей что-то на ушко. Мама поблагодарила Папонову и спросила, можно ли ей с сыном выйти. Профессор, конечно, сообразила, что мальчику срочно требуется, и согласие маме дала.

Когда отец ребёнка остался с Папоновой с глазу на глаз, он, счастливо улыбаясь, сказал: «Да, доктор, всё-таки медицина очень неточная наука. Помните, как при расставании после ухода из жизни Сонечки и Верочки вы нам категорически не советовали заводить больше детей? Конечно, после потери дочерей жена долго не могла прийти в себя. И с желудком у неё было нехорошо, и сердце покалывало, а потом и по-женски у неё что-то обнаружили. Но прошло время. Как-то всё отболело, улеглось. Потом в санаторий съездила, полечилась. И знаете, очень это ей на пользу пошло. После санатория она приехала совсем другим человеком. И довольно быстро, месяца через три, она мне вечером, перед сном, сказала, что была у врача, и тот сообщил ей, что она в положении. Вот это была радость! И, как видите, выносила мальчишку, родила без осложнений, все ваши медицинские показатели оказались у сына нормальными. По-

том жена кормила его грудью месяцев восемь. В детской поликлинике её похвалили, сказали, что современным женщинам это удаётся нечасто. Вот так, доктор».

И, счастливо улыбаясь, отец мальчика покинул кабинет профессора.

...Минут через сорок в кабинете профессора Папоновой зазвонил телефон. Она сняла трубку и услышала знакомый голос.

– Доктор, ещё раз здравствуйте. Вас беспокоит мама Саши. Мы с мужем и с мальчиком почти час назад посетили вашу клинику. Вы любезно приняли нас в своём кабинете. Спасибо вам. Но можно мне ещё раз зайти к вам сегодня? Мне очень нужно поговорить с вами с глазу на глаз. По телефону это займёт слишком много времени, да я и не могу всё рассказать, не видя вашей реакции. Если у вас найдётся свободное время для меня, я вам буду так благодарна!

– Найдётся, найдётся, не волнуйтесь. Заходите.

3

Через много-много лет драма этой семьи открылась Челнокову в деталях.

...В ранней юности отдохнуть в деревню в доме бабушки и матери приехал их девятнадцатилетний внук и сын, учившийся в городе в строительном техникуме на электромеханика. Бабушка была уже старенькая, на пенсии, прибаловала. А мать этого юноши работала медицинской сестрой в центральной районной больнице, да ещё и подрабатывала дополнительными дежурствами. Парень был рослый, видный, улыбчивый, к тому же рукастый. В прошлое лето без чьей-либо помощи летнюю кухню соорудил и беседку, дров наколот на всю зиму, помог убирать картошку.

Медсестре было трудно. На её руках была старая нездоровая мать и учившийся в городе сын. В молодости она влюбилась в появившегося в их больнице молодого врача-хирурга. Влюбилась безоглядно. Через несколько месяцев она узнала, что беременна, сказала об этом дорогому человеку, а тот незаметно и тихо просто сбежал из больницы. Переживала такое предательство медсестра страшно, и всякие ей мысли в голову приходили, зачастую и совсем не хорошие, но поддержала родная мать, овдовевшая скоро после войны. Так и вырастила мать-одиночка своего Алексея, а потом нацелила его на

средне-специальное образование и профессию, с которой не пропадёшь ни в городе, ни в деревне.

Летом, на каникулы, Алексей приезжал в деревню очень охотно. Ему нравилось ощущать себя помощником матери. А физическая работа, благодаря отпущенной ему природой незаурядной силушке, только тренировала мышцы и приносила ощущение радости бытия здорового, сильного человека.

У медсестры был родной брат старше её по возрасту на целых семь лет. Жизнь его сложилась так, что он избрал военную карьеру, стал моряком-подводником и служил на севере. Упорный и дисциплинированный, брат учился и служил, а потом служил и учился. Так он дорос до звания старшего офицера. В отпуске (тогда ещё в Ленинграде) познакомился он со студенткой университета, будущей журналисткой. Милый образ девушки, скромность, умение достойно чувствовать себя в любом обществе, начитанность и общая культура приворожили подводника. Когда настало время расставаться и уезжать в военную часть, моряк только спросил: «А ты меня будешь ждать?»

– Буду, – очень убеждённо и с большим смыслом ответила девушка.

Они поженились, когда будущая журналистка училась на последнем курсе. Родители девушки не возражали, чтобы молодые начали семейную жизнь в большой квартире вместе с ними. Подводник стал ленинградцем. Молодые были очень счастливы. В первую брачную ночь моряк с восторгом понял, что женился на девушке. Гордостью журналистки перед самой собой стало осознание, что первым и, как она была убеждена, единственным её мужчиной на всю жизнь стал муж. Через год, в пору белых ночей, родилась у них девочка. Волшебство этого времени года и таинственная радость, растворённая в эту пору в городе, ощущались почти физически. Родители, не сговариваясь, решили назвать новорождённую Светланой.

С той поры прошло уже восемнадцать лет. Моряк с женой и дочкой приезжали в деревню к матери за это время только дважды. В первый приезд Светлане было всего несколько месяцев, во второй – два с половиной годика. Что делать? Так жизнь сложилась. А когда Светлане стукнуло восемнадцать и она только-только окончила первый курс института, отец снова был в дальнем многомесячном походе, а матери предстояла двухмесячная командировка по делам журнала, к

которому она имела отношение и как редактор, и как специальный корреспондент.

По телефону, через центральную районную больницу, журналистка разыскала медсестру. Женщины быстро сговорились об отдыхе Светланы летом в деревне. От железнодорожной станции до больницы ходил автобус, а до деревни медсестру и девушку подбросили санитарным транспортом.

Светлане было интересно. Для неё, настоящей горожанки, многие неведомые особенности сельской жизни раскрывались в тесном общении с Алексеем. Он и ягодные места знал, и за грибами водил нацеленно, разбирался в голосах лесных птиц и поведении зверей. А как поэтично он организовывал рыбалку – с несколькими удочками, консервной банкой с червячками, с костром и приготовлением ухи в ведёрке, подвешенном на толстой ветке, лежащей на двух вбитых в землю рогульках.

Когда они катались на деревенской лодке-плоскодонке, Алексей много рассказывал об особенностях речки и предупреждал не ходить из деревни под гору купаться в одиночку. В одном месте в реку открывалось сразу несколько ключей, там вода была очень холодной, с непривычки и от неожиданности могло мышцы ног свести – да так, что и местные опытные пловцы не раз тонули. В других местах в речке были обрывы и большая глубина, в третьих – воронки с круговертью воды.

В один из дней Алексей и Светлана пошли за грибами в дальний лес, перед которым нужно было преодолеть широкое пространство открытого полевого безлесья, усыпанного цветами белого и красного клевера. На обратном пути с полными лукошками грибов Алексей и Светлана попали под кратковременный, но обильный дождь. В полном смысле вымокли до нитки. Мокрая одежда прилипла к телу, влага с неё стекала струйками, а малейшие порывы ветра вызывали неприятные ощущения холода, сырости и дрожи. Алексей ещё как-то крепился, а у Светланы зуб на зуб не попадал.

На отшибе деревни стояло несколько сараев, где деревенские хранили сено. Их никто не закрывал. В один из таких сараев и спрятались от дождя Алексей и Светлана. Но, даже закопавшись в сено, согреться в нём в мокрой одежде было невозможно. Светлана настолько промокла, что её колотила мелкая дрожь. И тогда Алексей сказал, что нужно снять с себя всю одежду, хорошенько её выкрутить и отжать от влаги, разложить поверх сена, а самим закопаться

глубоко в сено и переждать непогоду. Светлана сначала вспыхнула, застеснялась, но Алексей повернулся к ней спиной и стал снимать с себя мокрую рубашку. Светлана, теперь уже не раздумывая, быстро скинула с себя мокрое платье, трусики и освободилась от лифчика. Отжать от влаги снятое бельё потребовало считанные секунды. После этого Светлана нырнула в сено поглубже, стараясь остаться к Алексею спиной и прикрывая самые прелестные места девичьего тела. Но согреться не получилось.

Поскольку сухих вещей у Алексея под руками не было, он придвинулся грудью и животом к Светланиной спине, обнял её и положил свои руки девушке на живот. Светлана не отодвинулась, ощутив тепло мужского тела. Тесно прижавшись и постепенно согревая друг друга, молодые люди провалились в сон.

Проснулись они часа через полтора, уже высохшие и согревшиеся в тесных объятиях друг друга. Молодые люди не смогли противостоять внезапно обуявшему их желанию ласкать и целовать друг друга. Там, на сеновале, Алексей и Светлана стали мужчиной и женщиной...

Домой они вернулись в сумерках. Мать Алексея в этот день была на суточном дежурстве в больнице. Старая больная бабушка после ужина быстро заснула. Молодые любовники провели в одной постели первую сказочную ночь...

Но лето кончалось. Светлана уехала к началу учебного года к родителям в Ленинград, а Алексею предстояло ещё учиться в строительном техникуме.

4

Через три месяца Светлана узнала, что ждёт ребёнка. Более того, при обращении к врачам оказалось, что сомнений в этом нет, а сроки такие, что нужно отнестись к ситуации серьёзно, трезво, выносить и родить.

Светлана долго мучительно раздумывала, не зная, как открыться матери, – тем более что месяц назад у журналистки на работе случился острый приступ резких болей в животе, ей вызвали скорую помощь, которая без промедления домчала её в больницу, где её срочно прооперировали по поводу разрыва кисты яичника.

И всё-таки Светлана решилась.

В один из вечеров она сказала матери, что нужно поговорить по очень важному делу. По решительному твёрдому тону, с которым это

было сказано, мать насторожилась, что у дочери большие неприятности. Сначала она подумала, что у дочери возникла большая задолженность по учёбе, потом пришла мысль о конфликте с кем-то из студентов, или (ещё хуже!) из преподавателей, наконец, мать решила, что дочь разочаровалась в своей специальности и хочет бросить учёбу.

– Что случилось, доченька? Что-то серьёзное? – одними губами прошелестела мать.

– Да, мама. Очень серьёзное, – глядя прямо в глаза матери, сдержанно, но твёрдо произнесла дочь.

– Что-то в институте?

– Нет, мама.

– Ты кому-то надерзила, нагрубилла?

– Нет, совсем не то.

– Ты влюбилась?

Светлана выдержала паузу и ответила как на духу: «Мама, я беременна».

В глазах матери отразился ужас. Лицо в одно мгновение преобразила бесцветная усталость. Даже губы стали белыми, без единой кровинки.

– Когда? От кого?

– Это случилось в деревне.

– Тебя подпоили?

– Нет.

– Тебе угрожали? Принудили?

– Нет.

– Это деревенские? Оравой?

– Нет, мама. Это случилось по большой любви.

– Так кто же он?

– Мама, я полюбила Алексея.

– Алексея? – почти простонала мать. – Но как же? Ведь он...

Тут мать осеклась и прикрыла рот ладонью.

5

В эту ночь не спали обе женщины: и мать, и дочь. Дочь переживала, что вынуждена была открыться матери, когда та ещё не полностью восстановилась после операции. Мать не спала, во всё кляня себя.

Это ей в голову пришла мысль отправить дочь на каникулы в деревню, поскольку муж был в дальнем плавании, а самой нужно

было ехать от журнала в командировку в Сибирь. Мысль взять с собой дочь приходила ей в голову, но она тогда отогнала её, боясь, что дочь может и не выдержать всех трудных походных испытаний, которые частенько выпадают на долю журналиста. И потом матери хотелось, чтобы дочь просто хорошо отдохнула в свои первые студенческие каникулы.

То, что дочь стала женщиной, журналистка-мать воспринимала нормально. Что ж, дочери пошёл девятнадцатый год. Уже совсем взрослая. Но как же она выбрала Алексея? Ведь он ей близкий родственник, двоюродный брат! В царские времена в России двоюродных братьев и сестёр было запрещено венчать. Единичные случаи, конечно, происходили, но где-нибудь в глубинке и за большую денежную благодарность сельскому священнослужителю.

А самое главное, самое заветное, что мучило журналистку и не давало ей сомкнуть за ночь глаз ни на минуту, было раскаяние за грех перед мужем и дочерью. Она была верной женой своему моряку-подводнику и привыкла долгие месяцы обходиться без мужской ласки и близости с мужчиной. А в последней командировке бес попутал.

Она приехала в сибирский совхоз на известную молочную ферму, где работал знаменитый на всю страну дояр Подольских. Задание журнала сводилось к тому, чтобы написать полноценный очерк о сельском специалисте-мужчине одной из самых трудных профессий. Приближался юбилей дояра, и хорошо осведомлённый редактор дал задание одной из самых опытных журналисток написать о нём полноценный очерк. В больших инстанциях намекнули, что дояру вроде бы готовятся вручить награду Героя труда. Одновременно журналистку нацелили при возможности собрать и написать материалы о других сельских тружениках и интересных людях, которые общаются с ними, посещают эти места, оказывают помощь своими знаниями, своей работой, своими идеями.

С главной задачей журналистка справлялась неторопливо, основательно, и дней через десять хорошо задуманный и легко читаемый очерк с главными и ударными материалами и сведениями уже выстроился в её голове. А через день она узнала, что в соседнее село, расположенное в нескольких километрах от того, в котором остановилась она, приехала научная бригада биологов и экологов из учреждений Академии наук и университета из Москвы. По её

просьбе её отвезли в это село в моторной лодке по таёжной реке. Вот там-то она впервые познакомилась с обаятельными учёными мужского пола. Но с первой же встречи её поразил один огромный, весёлый, добродушный бородач – прекрасный охотник, с красивым баритоном бард-гитарист, виртуозно владевший инструментом, рассказчик смешных историй и анекдотов, отличный тамада и очень внимательный и неназойливый сосед за столом. Он покорила её красиво и сразу, и ей впервые за всю её семейную жизнь с мужем стало приятно и тревожно ощущать себя слабой женщиной рядом с таким обаятельным богатырём. Заглядываясь на так неожиданно сразу же понравившегося ей мужчину, она ни разу не вспомнила о муже, а потому ей и в голову не пришло как-то сопоставить их рядом и сравнить в душе покоряющего её богатыря-биолога и уже давно покорившего её моряка-подводника. Таёжный роман был стремительным, страстным и бурным.

– Вот она расплата. Вот оно возмездие, – трепетала ночью потерявшая последние силы после исповеди дочери журналистка. А ведь месяц назад её срочно оперировали не по поводу разрыва кисты яичника, а по поводу внематочной беременности. В прежние времена, когда диагноз обязательно вписывали в больничный лист, многие врачи-хирурги и врачи-гинекологи не раз спасали честь своих пациенток перед мужьями и сослуживцами, называя проделанную операцию несколько по-иному, что позволяло не порочить женщину, скрыть грех её страстной натуры.

6

Через несколько дней после разговора с дочерью журналистка пришла в себя, мобилизовала всю свою волю и начала срочно действовать. Ещё в отсутствие мужа она вызвала Алексея в Ленинград на серьёзный разговор. Алексей по молодости и представить не мог, что ему скоро предстоит стать отцом. Но, узнав и от Светланы, и от Алексея, что они очень любят друг друга и счастливы, что у них будет ребёнок, журналистка согласилась на их брак. Сыграли скромную свадьбу. И стали Алексей и Светлана мужем и женой.

Когда моряк-подводник вернулся из далёкого плавания, его поставили в известность о свершившемся факте. Что-то изменить или поправить он уже не мог и во всём положился на жену, понимая, что её решение в сложившейся ситуации было единственным пра-

вильным. Обстановка в то время в мире была очень напряжённой, взрывоопасной. Через две недели моряк-подводник снова отправился в дальний поход, о цели и продолжительности которого и о тех местах, в которых предстоит побывать, не имели представления ни сами моряки, ни тем более члены их семей.

До ухода подводника в плавание уехал Алексей. Молодому мужу и будущему отцу требовалось продолжить образование, хотя покидать любимую жену ужасно не хотелось.

Светлана вынашивала ребёнка трудно. Разлука с мужем, напряжённое беспокойство об отце и о здоровье матери сказались. С симптомами угрозы прерывания беременности Светлану трижды помещали в больницу. Учёбу в институте пришлось оставить. Но всё-таки Светлана доносила ребёнка и в последнюю декаду апреля, изрядно помучившись, родила девочку. Поскольку после рождения девочка была спокойной и много спала, родители назвали её Сонечкой.

Новоиспечённую бабушку-журналистку пронзила ещё и такая мысль: имя Софья в переводе с греческого означает «мудрость». И это был как бы знак свыше, как мудро, хотя и через страдания, она преодолела последствия своего таёжного романа, не сказав о нём ни слова ни дочери, ни мужу, и как мудро она поступила, всё-таки согласившись соединить в семью свою беременную дочь и её двоюродного брата.

Девочка родилась хилой, слабенькой... Всю весну и лето Светлана провела в Ленинграде, выхаживая дочку с помощью врачей, медсестёр и мамы. У Алексея тоже не было каникул. После экзаменов в техникуме он уехал на практику, стараясь не только закрепить в деле полученные знания, но и хорошенько заработать денег на семью.

Последний год учёбы Алексея в техникуме супруги виделись урывками, когда главе молодой семьи удавалось приехать в Ленинград на день-два, не более. В начале лета следующего года Алексей успешно завершил среднетехническое образование в числе лучших и самых авторитетных выпускников техникума. Его распределили в один из подмосковных городов, где развернулась большая стройка и где ему обещали совсем скоро предоставить квартиру. В конце сентября в одном из домов возводившегося квартала для строителей ордер на отдельную двухкомнатную квартиру получил и Алексей. Наконец у Светланы, Сонечки и Алексея началась нормальная семейная жизнь.

Алексей работал много, увлечённо, но и отдыхать он теперь приходил в свою семью, где его любили, ждали, заботились о нём и вкусно кормили. В середине декабря Светлана узнала, что она вновь в положении. А летом на следующий год жена подарила мужу ещё одну девочку, которую супруги назвали Верой в честь матери Алексея. Имя родителям понравилось ещё и тем, что оно символизировало веру друг другу, веру в хорошую совместную жизнь, веру Светланы в Алексея, в его успехи, в то, что ему суждено многого добиться.

Светлана, опекая девочек, долгое время была домашней хозяйкой. И только когда младшая дочь достигла трёхлетнего возраста, Светлана устроилась воспитателем в детском саду.

7

Гром грянул в семье на одиннадцатом году жизни Сони. Девочка заболела остро, у неё за несколько дней поднялась высокая температура, потом появились точечные кровоизлияния на коже, синяки. В одну из ночей у резко побледневшей и очень заметно похудевшей Сонечки случилось обильное кровотечение из носа. Девочку срочно госпитализировали в местную больницу, кровотечение остановили, но в анализе выявили очень большое количество белых клеток крови. Родителям посоветовали срочно везти девочку в Москву.

В московской клинике впервые и прозвучал страшный диагноз. У Сонечки оказался острый лейкоз. Как ни боролись врачи за жизнь ребёнка, итог оказался трагическим. Соня ушла из жизни. Сони не стало.

А через полтора года заболела Вера. Трагедия получила своё продолжение. Вере установили тот же диагноз. И младшая дочь Светланы и Алексея тоже ушла в мир иной.

Переживания Светланы были ужасны. Алексей замкнулся в себе, но держался мужественно.

8

Через год Светлана приехала в клинику. Ей очень хотелось поговорить с заведующей, что называется, «выговориться» и получить совет, как жить дальше. Папонова уделила ей время, внимательно выслушала и ещё раз подтвердила, что им с Алёшей категорически

нельзя заводить больше детей. И тогда Светлана призналась, что она чувствует в последнее время охлаждение и отчуждение Алексея. Если она не послушает мужа и не родит ему третьего ребёнка, она его потеряет.

– А если вы не послушаетесь меня, то потеряете и третьего ребёнка. И, скорее всего, от того же заболевания, от которого ушли из жизни и Соня, и Вера.

– Что же нам делать? – в полном отчаянии простонала Светлана.

– Пойдите на усыновление.

– Нет, доктор. Я обсуждала этот вопрос с мужем. Он категорически против. Если мы в своих наследственных факторах разобраться не можем, то чужое наследство может оказаться ещё страшнее.

– Знаете что, Светлана, – после некоторого раздумья произнесла Папонова. – Я прожила большую жизнь, долго работаю детским врачом и повидала семей немало. Давайте поговорим как женщина с женщиной. Только для вашей же пользы дайте мне слово, что вы никогда и ни при каких обстоятельствах не расскажете никому – ни мужу, ни родственникам, ни врачам то, что я сейчас скажу...

Признайтесь мужу, что у вас не всё в порядке по-женски и что вам советуют поехать подлечиться в санаторий на лечебные грязи. Как правило, в тех местах, где активно применяют этот метод лечения, обычно бывает куст санаториев. Скажем, в женском санатории грязи применяют при гинекологических заболеваниях, а в соседнем мужском санатории грязелечение активно используют для долечивания травм. А травмы случаются и у совсем здоровых мужчин цветущего возраста, иногда – у военных. Подсмотрите там себе здорового спортивного мужчину, который вам и внешне понравится. И проявите смелость, не теряйте время даром. Лучше всего сказать обо всём мужчине сразу, прямо: ребёнка от вас хочу. Мне приходилось сталкиваться с такими поступками женщин. Семья у них не распалась, а ещё больше спланивалась. Правда, в такой ситуации женщина всю жизнь обречена хранить обет молчания и не унижить мужа, признавшись ему ненароком, по глупости, что ребёнок не от него. На это способны только очень сильные натуры.

9

...Через полчаса после звонка в кабинет профессора тихонько постучали, открыли дверь и спросили: «Можно?»

Это к Папоновой тихой мышью проскользнула Светлана.

«Лукерья Елисеевна, – взмолилась женщина. – Я не имею права обманывать вас. Я долго мучилась, обдумывая дома ваш совет. Но разъединение наших душ с Алексеем после смерти дочерей становилось всё заметнее. Он ушёл в работу, в себя, а меня просто не замечал. И я решилась поступить так, как посоветовали вы. И путёвку мне предоставили от профкома с Алёшиной работы с хорошей скидкой. В общем, собралась я и поехала. И знаете, вы оказались правы. Попала я в южный санаторий – такой беленький, чистенький. Палату предоставили двухместную с приятной интеллигентной женщиной предпенсионного возраста с Дальнего Востока. Она всё на процедуры ходила, режим соблюдала и книжки читала, была неразговорчивой и в душу не лезла. А у меня почти всё время свободное.

Наш санаторий стоял в красивом парке со множеством дорожек, окружённых с обеих сторон высокими кустами почти в человеческий рост. И во многих местах от этих прогулочных дорожек расходились тропинки, заканчивавшиеся беседками или уютными местечками со скамейками, окружёнными с трёх сторон ещё более высокими кустами. Пройтись, прогуляться и посидеть в одиночестве, подумать было где.

На третий день, к вечеру, по одной из дорожек идёт мне навстречу пожилой мужчина, прихрамывает. Я поздоровалась. Он мне в ответ так галантно кланяется и отвечает:

– Здравствуйте, сударыня. Отдыхаете?

– Нет, – говорю, – лечусь.

Он остановился и спрашивает:

– Вы давно приехали?

– Нет, совсем недавно. Сегодня третий день.

Мы немножко поговорили о погоде, о природе. Оказалось, что у него путёвка через два дня заканчивается. И тогда на правах старшего и уже хорошо знающего наше место он мне рассказал, что, если пройти парк насквозь, можно выйти к военному санаторию травматологического профиля.

– В некоторых двухместных номерах поселяют семейные пары, приехавшие с Севера, с Дальнего Востока, из Сибири... Но их немного. Преобладают одинокие мужчины. Приходите к нам кино смотреть, побывать на самодеятельном концерте, на встрече с местными поэтами и писателями. Кстати, вы любите танцевать?

Я кивнула.

– Тогда приходите и на танцевальные вечера. У нас среди мужчин есть большие мастера по бальным танцам. Так ведут даму – глаз не оторвать!

Утром за завтраком две соседки по столу сообщили, что сегодня вечером в военном санатории, что на противоположном конце парка, вечер танцев. Надо обязательно пойти, а то всех хороших кавалеров и танцоров расхватают.

Вечером я пошла к военным. Клуб у них располагался на первом этаже. Прошла я входные двери, а перед вторыми дверями останавливает меня мужчина с красной повязкой на рукаве.

– Вы, дамочка, куда?

– На вечер танцев, – отвечаю.

– Тогда в окошечке у кассира приобретайте билет. У нас на танцах играет оркестр, поэтому вечера платные.

...А я и не подумала взять с собой денег. Так мне неудобно стало, что я расстроилась, растерялась и как-то сникла. Вдруг меня сзади подхватывает под локоть высокий, стройный мужчина и так уверенно ведёт мимо дежурного. Тот только открыл рот, чтобы что-то сказать, как мой неожиданный кавалер небрежно бросает ему: «Это со мной». Дежурный в ответ не говорит ни слова и спокойно пропускает нас в вестибюль. Я поправила причёску перед зеркалом, оглядела платье, туфли, чулки и подошла к ожидавшему меня мужчине.

– Теперь давайте знакомиться, – приветливо улыбнувшись, произнёс он.

– Давайте. Меня зовут Светлана.

– Очень рад. Ваше имя вам очень к лицу.

– Спасибо за комплимент.

– А меня зовут Пётр Михайлович. Вам можно называть меня просто по имени – Пётр.

– Постараюсь, но с первого знакомства мне сложно.

– Разрешите пригласить вас в зал?

– С удовольствием. Только я давно не танцевала.

– А любите танцевать?

– Очень.

– Может быть, для хорошего настроения с первых минут знакомства сначала посетим буфет? Выпьем по бокалу шампанского под мороженое или шоколадные конфеты...

– А можно чуть позже?

– Вам всё можно. Только вы мне дайте сигнал, когда захочется сделать перерыв в танцах.

Из зала слышались такие волнующие звуки живой музыки. Это заиграл оркестр. Я со студенческих лет не танцевала, тем более под оркестр.

Пётр Михайлович приоткрыл дверь зала, что-то внимательно рассмотрел и предложил чуть подождать. Несколько минут мы постояли перед дверью молча. Потом он снова приоткрыл дверь зала, улыбнулся и сказал: «Светлана, разрешите пригласить вас? У меня к вам единственная просьба. Не танцуйте больше ни с кем, не разговаривайте и не знакомьтесь. Вас такая моя просьба не смущает?»

– Нет, нет, – ответила я. – Спасибо вам. Мне без вашей помощи пришлось бы уйти, а не танцевать.

Мы вошли в зал, когда всё ещё играл оркестр и всё пространство празднично освещённого зала было занято танцующими парами. Пётр Михайлович протянул левую руку и как-то мягко, но властно заключил мою ладонь в свою. Правую руку он деликатно положил мне на спину на уровне последних рёбер грудной клетки. Чётко в такт он повёл меня в круг танцующих, постепенно смещаясь от самых крайних пар к центру, но не в самый центр.

Он оказался мягким, тактичным и одновременно властным партнёром. Вёл уверенно, чётко, пластично, ощущал каждый такт играющего оркестра и настроение льющейся музыки. Танцевать с таким партнёром хотелось вновь и вновь. Наверное, он почувствовал моё состояние и не отпускал меня в перерывах между отдельными танцами ни на шаг. Мы оба молчали, когда танцевали, лишь обменивались добрыми улыбками, когда нам удавалось особенно удачно совместно выполнить какое-нибудь трудное или красивое па. Так мы танцевали, как потом выяснилось, часа полтора. В какое-то мгновение он уловил, что я устала.

– Светлана, я чувствую, что вам хочется сделать небольшой перерыв.

– Ой, правда. Как вы здорово угадали. Немного в горле пересохло. Я бы с удовольствием попила водички. Мы можем пойти в буфет?

– Понял вас. Следуйте за мной. Я вам предложу более интересный вариант.

Он взял меня за руку, подвёл к лифту, и мы поднялись на последний этаж. В коридоре, очень тускло освещённом единственным светильником-бра, он долго вёл, вёл меня, пока мы не оказались перед дверью номера.

Усадив меня за стол, покрытый скатертью, Пётр Михайлович достал из холодильника запотевший кувшин с клюквенным морсом. Я с удовольствием утолила жажду почти полным удлинённым бокалом очень приятного напитка с характерной кислинкой.

– Ужинать будем?

– Спасибо, не хочется.

– Тогда, может быть, фруктовый десерт с мороженым?

– Нет, не беспокойтесь, не хочу.

– Может быть, хотите что-то выпить? Скажите. Я выполню любое ваше желание.

– Любое, любое?

– Да.

– Вы не шутите, вы серьёзно?

– Я не шучу. Не смущайтесь, Светлана. Я слушаю вас.

После довольно долгой паузы я пролепетала:

– Я хочу... Я хочу, Пётр Михайлович... Пётр... Я хочу от вас ребёнка, – наконец выпалила я... и разрыдалась.

Пётр оказался человеком очень деликатным. Он мягко и тактично успокоил меня... и открыл дверь спальни...

Наш курортный роман длился всего две недели. Точнее – ровно шестнадцать дней.

С курорта я уехала на два дня раньше, не предупредив Петра и не попрощавшись с ним. Когда машинист дал прощальный гудок и поезд тронулся, мне стало так плохо! Сначала было ощущение, что что-то оборвалось во мне, что я сама отрезала большой кусок сердца, но он летит рядом со мной, параллельно, летит в никуда. А когда поезд набрал полный ход, я чуть не вскочила со своего места, чтобы выпрыгнуть из поезда на полном ходу...

Домой я приехала в будний день днём. У меня было время прийти в себя и заморозить все свои курортные переживания. Женщины знают, что лучший способ для этого – заняться привычными домашними делами: уборкой, стиркой, мытьём окон и всеми

многочисленными «мелочами», которых большинство мужчин к работе не относит, но которые приходится делать в семье каждой женщине.

То, что я вновь беременна, я узнала в декабре, ровно за шестнадцать дней до Нового года.

Так что Саша не от Алексея. Теперь вы знаете всё. Простите меня, Лукерья Елисеевна, но вам я не имела права говорить неправду. Вы ведь наукой занимаетесь».

10

Прошло ещё несколько лет, и Игорь Валерьевич Челноков узнал продолжение.

В один из моментов их жизни юридические, семейные и финансовые дела Алексея, Светланы и Саши переплелись так благоприятно, что они сумели купить трёхкомнатную кооперативную квартиру в Москве. И стали они москвичами, хотя поселились в одном из отдалённых спальных районов. Алексей руководил уже большой строительной бригадой, Светлана не работала, Саша только-только пошёл в школу.

В одно зимнее морозное утро Светлана, отведя в школу Сашу, решила побывать в крупном магазине, который неделю назад открыли всего в двух остановках езды на метро. Поднимаясь на довольно коротком эскалаторе к выходу и рассматривая настенную рекламу, Светлана случайно бросила взгляд налево. Навстречу ей, в сторону платформы, на эскалаторе проплывал мужчина. Она не могла не узнать его.

– Пётр! – громко крикнула Светлана. В её крике неожиданно для неё самой отразились пронзительная боль, страдание и надежда.

Мужчина стремительно обернулся, узнал её, заулыбался и, не отвечая ни слова, показал пальцем, что он сейчас развернётся и поднимется по эскалатору к выходу.

С этого момента встречи Светланы и Петра возобновились. Сначала они позволяли себе посидеть час-полтора в кафе, располагавшемся рядом со станцией метро. А потом... А потом Пётр стал приглашать её в номер гостиницы, которая носила название «Дом охотника». Это было не чаще двух раз в неделю, но Светлана вдруг ощутила, что ждёт этих встреч, внутренне готовится к ним

и, по существу, уже не представляет, как она могла обходиться без них.

И вдруг Пётр исчез. В течение двух месяцев Светлана не знала, что произошло, что случилось. Мобильный телефон Петра был заблокирован. И всё-таки какое-то внутреннее чувство подсказывало Светлане, что Пётр жив, что его молчание вынужденное, что он не мог оставить, бросить её без объяснений.

Пётр позвонил через два месяца. Извинившись, что вынужденно пропал так надолго, он сказал, что всё объяснит при встрече.

Поняв по голосу Петра, что случилось что-то особенное, из ряда вон выходящее, Светлана решила, что не откажет Петру и не перенесёт встречу, как на её месте поступило бы большинство представительниц прекрасного пола. А как же иначе? А то в нашей стране современные мужчины совсем распустились, понимая, что их меньше и что они могут брать инициативу в свои руки и диктовать женщинам свою волю в любой ситуации.

Светлана была потрясена, когда узнала, что случилось в семье Петра. Его жена, племянница генерала, успешная бизнесвумен, попала в автомобильную аварию. Машину сплющило всмятку. И водителя, и жену Петра извлекали из автомобиля, разрезая его корпус автогеном. Водитель покалечился так, что до сих пор лежит в больнице, и врачи оценивают его состояние как очень тяжёлое. А жена Петра скончалась... Она умерла по дороге в больницу.

Как принято по православным обычаям, провели похороны с последующим траурным застольем, помянули на 9-й день и на 40-й. И вот теперь остался Пётр с двумя школьницами на руках – дочерьми Надеждой и Любовью.

11

Светлана пережила рассказанную Петром трагедию как свою. Она очень изменилась, стала посещать церковь. Сначала она молча ставила зажжённые свечи в память об ушедших, потом поняла, что ей очень хочется зажечь и поставить свечи и за здоровье дорогих ей людей.

В одно из посещений церкви Светлана услышала, как совсем молодая девушка расспрашивала одну из послушниц, что необхо-

димо сделать и в какой последовательности, чтобы пройти обряд крещения.

Додумывая то, что она услышала, дома, Светлана вдруг отчётливо поняла, что она тоже хочет пройти этот обряд. И теперь её уже не останавливало, что ей предстоит такой прямой, такой откровенный разговор с батюшкой, который называется исповедью.

Внешне спокойно, но с большим трепетом в душе шла Светлана на предстоящую исповедь.

Из церкви она вышла успокоенной и умиротворённой. Теперь она твёрдо знала, как ей следует жить дальше и что она для этого сделает.



ИРИНА САБЕННИКОВА

Трудно стать человеком

Санька

У Саньки не было того уютного тихого мирка, какой бывает у детей его возраста. Его мир был продуваем ветрами со всех сторон. Начать с того, что даже дома у него не было, нет, конечно, когда-то был, но с тех пор, как арестовали отца, всё переменялось – из своего большого, просторного дома они уехали и скитались с мамой по чужим углам. Кострома, куда они наконец попали, был довольно большой город, и в школу ему теперь не надо было ходить за пять километров по слякоти, когда калоши засасывает глина. Кострому Санька изучил быстро – улицы, проходные дворы, пристань, но многого и не знал. Не знал, например, что тот дом, где в двух крохотных комнатках ютились его бабушка и тётя Катя – сестра матери, принадлежал прежде их семье, что добротное красного кирпича здание четырёхлетки, куда он ходил и где в первом этаже ещё сохранился магазин с неправильной надписью «Хлебь», принадлежал мужу его другой тетки, что его мама училась в Московской консерватории и слыла в губернской

Сабенникова Ирина Вячеславовна родилась в городе Балашове Саратовской области, окончила истфак СГУ. Доктор исторических наук, член Союза писателей России, член-корреспондент Российской академии словесности. Автор пяти поэтических и пяти книг прозы, вышедших в разные годы. Публиковалась в литературных журналах «Вестник Европы», «Москва», «Волга XXI век», «Российский колокол».

Костроме лучшей пианисткой, а сестрой милосердия стала лишь в Первую Мировую.

Впрочем, и без этого знания он был счастлив. У него были друзья, по воскресеньям он получал 10 копеек на кино, а чтобы пострелять в тире, играл с дворовыми мальчишками в пристенок. К тому же брат в следующем году должен был закончить Политех и поехать инженером на сталелитейный завод в Днепропетровск, забрав и их с мамой. Инженеры получали хорошую зарплату, значит, у них снова будет дом.

Пришла телеграмма от брата, он уже купил билеты и едет к ним на каникулы. Санька видел, как мама тайком утирала глаза, да и он сам был ужасно рад этому. Брат был старше Саньки и, кажется, умел всё, о чём бы Санька в свои десять лет мог только мечтать. Мечтал он о многом, но больше всего о том, чтобы пойти с братом на рыбалку и сидеть тихо-тихо друг возле друга, когда даже и говорить ни о чём не надо, всё и так ясно.

Тётя Катя позвала их с мамой на воскресный обед. Она, конечно, позвала маму, но та без него не ходит. Будут пироги, Санька точно знал. А пироги тётя Катя печёт очень вкусные, с яйцом и капустой.

– Послушай, ты на пироги не налегай, а то тётя Катя решит, что ты совсем не воспитан, – предупредила мама, когда они уже стояли перед дверью в дом.

– Но они же вкусные, – удивился Санька такому странному предположению.

– Вот именно поэтому, – заметила мама, – раз вкусные, значит, всем хочется их попробовать.

Санька кивнул, не став спрашивать, что мешает другим быть проворнее, если они так же, как и он, любят пироги.

Мама открыла дверь. Комната была вся залита полуденным солнцем. Посередине стоял круглый стол, застеленный белой скатертью, в центре стола красовалось блюдо с пирожками, стыдливо прикрытыми салфеткой, и супница.

– Ну вот, вы в самый раз, мы уже садимся за стол, – приветствовал их муж тёти Кати.

Санька обожал воскресные обеды, в них была необычная праздничность и пирожки, разумеется.

«Внимание, говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение, – раздалось из репродуктора, едва Санька устроился за столом, – сегодня в четыре часа утра без всякого объявления

войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза...»

– Война?! – растерянно переспросила мама и опустила на стул. Началась война.

Топляк

Смотри, вон он, вон, к льдине прибился! – кричал Генка.

– Да где, не вижу! Куда тычешь-то?

– Вон, за мостками сразу льдина, так, с другого края, видишь?!

Генка тыкал пальцем в синий апрельский день, уверенный в том, что не заметить набухший, чёрный от воды топляк среди ледяного крошева ледохода нельзя. Он точно охотничий пёс, заметивший добычу, сделал стойку перед тем, как броситься вперед.

– Вижу! Здоровый! Не вытащим...

Голос Саньки, ещё по-детски звонкий, прерывающийся от волнения и восторга сумасшедшей авантюры, в которую втравил его Генка, сам звенел льдинкой – тонкой, хрупкой и совершенно прозрачной.

– Давай вместе! С двух сторон подцепим, вытащим!

Генка, подхватив самодельный багор, точно боевую пику, разбежался и прыгнул на льдину, та опасно качнулась, но выпрямилась, и Генка, балансируя теперь багром, как канатоходец шестом, устоял, мелкими шажками продвигаясь к её центру и освобождая место для Саньки.

– Давай! – крикнул он ожидавшему команды приятелю, понимая, что медлить нельзя, в любой момент застопорившаяся возле прибрежного льда льдина могла оторваться и пойти дальше, наползая на другие и крошась. Попасть в такую переделку – смерть. Санька прыгнул. Льдину качнуло снова, но более опытный Генка переступил к противоположному краю, выравнивая неустойчивую ледяную платформу.

– Я справа, ты слева... Толкай! – командовал двенадцатилетний Генка, совершенно преобразившись.

Они зацепили стальными баграми тяжёлое обледеневшее бревно и изо всех сил стали толкать его к берегу. Багор соскальзывал, бревно крутилось в ледяном крошewe и никак не хотело поддаваться. Из последних сил, забыв о всякой осторожности, мальчишки понемногу протаскивали неподатливое бревно к берегу.

– Придержи, я на берег перепрыгну, зацеплю.

Генка прыгнул. От толчка льдина накренилась, Санька не удержался, валенки заскользили по мокрой ледяной поверхности, и он рухнул в воду между злополучной льдиной и береговым льдом. С головой уйдя под воду, но вынырнул, всё ещё не понимая, что происходит.

– За багор держись! – закричал Генка, бросая бревно.

Багор, вылетевший из Санькиных рук при падении, зацепился за край прибрежного льда, другим концом всё ещё лежал на льдине. Парнишка судорожно схватился за него двумя руками и тут же почувствовал, что ему в бок впилось что-то острое. Генка, догадавшись, что приятель долго не удержится, захватил его за телогрейку своим багром и тащил точно так же, как минуту назад тащил обледеневший топляк.

– Мишка, помоги, – крикнул он другому приятелю, – тащи его.

С дугой стороны в бок Саньки вонзился Мишкин багор.

– Лишь бы ремень не растянулся, – мелькнуло в голове, – не растягнётся отцовский ремень, военный.

Его вытащили на береговой лёд, валенки только потерял, ну да ладно, зима уже кончается.

– Иди, сушишь, мы сами топляк доволочём, – Генка тяжело дышал от усталости, но крепился. Санька поднялся, чувствуя, что вес намокшей телогрейки придавливает его к земле, и, едва передвигая ноги, пошёл к дому.

Часа через два он даже заснул возле кухонной печки, над которой развесил одежду. Заглянул Генка – мокрый, уставший, но довольный.

– Дотащили, пошли, щас пилить будем.

Санька порылся в комод, нашёл отцовские штаны, надел. Штаны были велики. Подпоясал их ремнём, подвернул – нормально, все так ходят, главное, чтобы мама не видела, а то плакать будет.

Топляк пилили на три части по-честному. Куски растащили по сарайчикам просыхать. К лету просохнут, тогда распилить, потом порубить на маленькие чурочки и зимой на рынок менять на картошку, на карточку только полбуханки хлеба дают, а есть жуть как хочется.

Генка

Генка сидел нахохлившись, обхватив руками колени и уперев в них острый подбородок. Старая отцовская гимнастёрка, застиранная и обтрёпанная на рукавах, была перетянута на худенькой мальчише-

ской талии ремнём, вероятно, тоже отцовским. По мрачному выражению лица приятеля Санька догадался, что Генка чем-то недоволен.

– Ты чего здесь сидишь? – спросил он

– Жрать хочется, а дома ничего нет, – ответил тот, не поворачивая головы.

Есть действительно хотелось, но ведь есть хотелось всегда и не только сегодня. Санька вздохнул и сел рядом с Генкой, так же по-птичь поджав ноги. Теперь, когда ему напомнили о еде, у него засосало под ложечкой и противно начало бурчать в животе. Он припомнил, что дома ещё была картошка – остатки того, что им с матерью удалось собрать осенью с выделенного участка, но ни хлеба, ни льняного масла не было.

Да, есть очень хотелось, и мать было жалко – она с утра до ночи ходила по больным, а паёк в половину рабочего, у него так и вовсе иждивенческая карточка – в одиннадцать лет на работу не берут.

Санька скосил глаза на приятеля – Генка сосредоточенно о чём-то думал.

– Идём!

Вдруг он неожиданно поднялся и, не оборачиваясь, решительно двинулся со двора, Санька заспешил за ним, ни о чём не спрашивая, да и зачем, Генка всё равно не скажет, пока сам не захочет.

– Пику возьми!

Санька заскочил в дом, где под лестницей была припрятана арматура, заточенная с одного конца наподобие рыцарской пики. Это он, Санька, рассказал дворовым приятелям о средневековых турнирах на пиках. Они-то книг не читали, а он почти всю школьную библиотеку уже прочёл. Дома раньше тоже книги были, но когда отца арестовали, они с мамой вынуждены были уехать, оставив все вещи и книги.

Генка ждал его на улице, прислонившись к стене дома, он больше не напоминал воробья и, судя по всему, уже имел в голове план действий.

Приятель спустился вниз к Волге, теперь совершенно заснеженной похожей на укрытого белой простыней покойника, и пошли вдоль неё к складам. На разъезженной телегами дороге валенки скользили, идти было неудобно, но Генка с молчаливым упорством двигался вперёд. Вдруг он остановился, заметив телегу, стоявшую у ворот здорового серого амбара. Возле телеги суетился мужик в полушубке, её разгружавший. Над дверью амбара горел, качаясь

на ветру, одинокий фонарь. Фонарь удлинял тень от мужика, сновавшего туда-сюда, оттого мужик в полушубке казался великаном.

– Колоба с маслобойни привезли, – прошептал Генка в ухо приятелю, прячась за почерневшую стену небольшого сарая и затягивая туда же Саньку.

– Мужик вроде один, раз туда-сюда бегают.

– Один, – подтвердил Санька, вдруг подобравшись и уже прикидывая в уме, хватит ли ему времени добежать до телеги, пока мужик не обернулся за новой партией. Должно было хватить.

– Я щас! – бросил он Генке, как только мужик скрылся в амбаре, и со всех ног бросился к телеге. Генка метнулся следом. Мужик, что-то почувствовав, появился в воротах амбара слишком быстро и, заметив мальчишек, ринулся к телеге, давя их своей могучей тенью.

– Прикрой!

Санька перекинул приятелю пику и, схватив с подводы колоб жмыха, бросился назад, туда, откуда они только что пришли, но не по дороге, а вдоль обрыва по тропке, по которой мужику пробраться было едва ли. Узкая тропка обледенела, Санька, обняв двумя руками тяжеленный, скользкий от налипшего снега колоб льняного жмыха, ничего не видел и скользил по ней почти вслепую, чувствуя всем своим существом холодное дыхание тёмной пустоты там, внизу.

Мужик ринулся было следом и тут наткнулся на Генку.

– Убью! – прорычал детина, выхватывая из-за пояса топор и наступая на мальчишку, уже накрытого его огромной тенью. В неярком отблеске вечернего света мелькнуло острие самодельной пики. Генка, не знавший никакой военной тактики, занял единственно верную позицию на подходе к тропинке и, понимая, что против дородного мужика ему не устоять, упёр заточенную арматуру в ледяной наст перед собой, так что её остриё метило детине прямо в живот. Вид у мальчишки был настолько воинственный, что мужик остановился и, поколебавшись минуту-другую, смачно выругавшись, нехотя, пронзительно и зло скрипя подшитыми валенками, пошёл к подводе.

К приходу матери Санька успел растолочь в ступке часть расколотого с приятелем льняного колоба и, разведя печь, как умел уже пёк оладьи. Запах льняного масла приятно щекотал ноздри, успокаивая и даже немного усыпляя. Живот больше не сводило от голода, карман штанов оттопыривался от колотого жмыха, и мальчик то и дело запускал в карман руку, перебирая маленькие колючие кусочки и отправлял их в рот.

Луковица

Во дворе что-то переменялось, но что именно, Санька понять не мог. Вроде и ребята были такими же, как прежде, повзрослели, конечно, за три года войны и безотцовщины, ну так и он вырос, вытянулся и уже скоро догонит мать. Теперь, когда Санька подросток, она вдруг стала казаться ему хрупкой и незащищенной. Он всё чаще замечал её бледность, тёмные тени под глазами, хотя глаза у матери по-прежнему были красивыми – золотисто-карие, лишь где-то в глубине – грусть. Эта грусть была в материнских глазах всегда, а после ареста отца в 37-м уже не исчезала, даже когда она улыбалась. Мать работала, с утра до ночи ходила по больным, вечерами шила, перешивала что-то отцовское, подгоняя под его тощую мальчишескую фигуру. Другие ребята ходили как попало, а он, стараниями матери, всегда был аккуратно и чисто одет.

– Санька, Духан сказал, что ты можешь прийти, – кинул на ходу Мишка, направляясь в полуподвал дома, куда со двора вёл отдельный вход. Духан – немолодой мужик со слипшимися волосами и неприятным бегавшим взглядом, появился во дворе недавно. Говорили, что он сидел, и на войну его не взяли, потому как был покалечен – вместо правой ноги носил деревянную культяпку. Поселился он у матери в полуподвале и почти сразу стал собирать вокруг себя дворовых ребят, вроде как учить жизни беспризорную детвору. Саньке мужик не нравился, а вот Генка и Мишка прониклись и были в восторге от Духана, что Саньку даже злило.

– Ну, идёшь?!

Мишка придержал хлипкую дверь. Санька, перехватив её за веревочную петлю, заменявшую дверную ручку, вслед за приятелем вошёл в полутёмное помещение. В нос ему ударил спертый застоявшийся запах подвала. После улицы глаза с трудом привыкали к полумраку, мальчик не сразу заметил Духана, сидящего на табурете, и столпившихся возле него мальчишек. Он прежде почувствовал быстрый ощупавший взгляд хозяина и только потом увидел Генку и других дворовых ребят.

На полу перед Духаном стояло что-то вроде чучела, на которое напялили то ли старое пальто, то ли шинель, заинтересовавшее Саньку своей необычностью. Мальчик прислушался. Духан, не вставая с

табурета, что-то объяснял, одновременно производя непонятные манипуляции с чуелом.

– Ну что, поняли? Кто покажет?

Мальчишки мялись, вероятно, никому из них не хотелось быть первым.

– Что он делает-то? – шёпотом, дыша Мишке прямо в ухо, поинтересовался Санька.

– Деньги тырить учит, – так же шёпотом ответил Мишка. Санька недоверчиво глянул на него, не врёт ли, Мишка мотнул головой в сторону Духана, вызвавшего кого-то из ребят на пробу. Парнишка сделал неловкое движение, и Духан стукнул его по рукам палкой.

– Ты что, шкет, делаешь? Я как показывал?!

Голос у него был скрипучий, точно расшатанный гвоздь, и неприятный. Санька бочком-бочком стал пятиться к двери и, выскочив на улицу, полной грудью вдохнул талый апрельский воздух, стараясь выдавить из себя духоту полуподвала.

Вечером, когда мать пришла после обхода больных, уставшая и как-то особенно бледная, они ели суп. Санька ел с аппетитом, а мать, поведив ложкой по тарелке, на дне которой лежали кусочки картофеля, отставила её в сторону.

– Хоть бы лука в суп положить, а то одна картошка, есть не хочется, – произнесла она устало.

– Ты что, не будешь?

– Нет, пойду лягу, знобит что-то.

Мать встала из-за стола, оставив сына в полном недоумении, и прилегла на кровать, накрывшись поверх одеяла пальто.

Утром Санька прогулял занятия. Едва дождавшись ухода матери, он помчался на Сенной рынок – известное в Костроме место. Здесь он выменивал дрова, добытые во время ледохода, на хлеб или картошку. Возле самых ворот сидел инвалид, торгующий керосинками. Прошлой осенью Санька подглядел нехитрое устройство и сам стал делать такие же, только из аптечных пузырьков, за счёт чего они с матерью и продержались зиму.

Мальчик шёл по рыночным рядам, приглядывая, где что продают. Продавали что у кого было, но больше меняли на продукты, карточек не хватало. Вот и продуктовые ряды, здесь торговали куркули из-за Волги, прижимистые, у них и зимой снега не выпросишь. Краснолицая баба сидела на мешке с луком, выставив перед собой на прилавков несколько увесистых, отливающих сухим золотом луковых

головок. Санька замедлил шаг, стараясь не смотреть на прилавок с золотистыми луковицами. Бабу кто-то окликнул, и она обернулась. В то же мгновение Санька схватил с прилавка первую попавшуюся под руку луковицу и побежал.

Вечером у матери пошла горлом кровь, её забрали в больницу. Суп с луком, им сваренный, она так и не попробовала.

Экзамен на взрослость

Санька сдал экзамен по немецкому, лучше всех сдал, и всё благодаря матери, она-то немецкий знала хорошо, гимназию с отличием окончила. Как только сказали оценку, побежал в больницу похвастаться, мать всегда его поддерживала, умела как-то мягко направить, так что он и сам не замечал. Едва войдя, налетел на санитарку тётю Дуню, поздоровался.

– Санька, ты вот что... ты к Петру Егоровичу зайди... Он велел тебе к нему зайти...

Вид у тёти Дуни был растерянный, говорила она сбивчиво, Санька не понял, зачем ему вдруг к главврачу, но санитарка загоразивала проход в палату, и он пошёл.

Главврач городской больницы – немолодой мужчина с покрасневшими от недосыпа глазами и осунувшимся серым лицом, глянул на вошедшего паренька вопросительно:

– Чего тебе?

– Тётя Дуня к вам велела зайти, у меня мама здесь в седьмой палате, – стал объяснять Санька, отчего-то волнуясь.

– Да-да, – неопределённо протянул главврач, испытующе, как показалось мальчику, глядя на него, и вдруг произнёс:

– Умерла твоя мать, ночью температура поднялась, и умерла. Тиф в больнице...

Санька медленно опустился на стул, ничего ещё не понимая, но чувствуя, что случилось что-то непоправимое. Потёр лоб, ещё раз взглянул на доктора, надеясь, что тот что-то спутал, вчера-то мать была жива. Врач молчал, думая о том, как он устал от всех этих смертей, которые заставили его душу очерстветь.

– Ты вот что, – произнёс он хриловато, преодолевая себя, – ты подумай, как будешь хоронить, с родными посоветуйся, и вот ещё что, – врач достал и поставил на стол пару банок американской тушёнки, такие Санька видел на базаре недавно, дорогие.

– Твоей матери паёк, ей как туберкулезнице полагалось... Возьми.

Мальчик встал, молча взял со стола консервы, чувствуя внутри себя какой-то странный, неприятный холод и онемение.

– Родственники есть? – устало спросил врач.

– Брат на фронте...

– Ясно, напишу, чтобы его в отпуск отпустили, номер части какой? – он взял со стола карандаш.

Санька назвал, номер части, где служил старший брат, он помнил.

В дверь заглянул кто-то в помятом несвежем халате:

– Пётр Егорович, пора, операция у нас, вас ждём...

– Ну, иди, – обратился главврач к Саньке, тяжело поднимаясь из-за стола, – тело мы пока в морге подержим, дня три...

Мальчик толкнул плечом тяжёлую больничную дверь и, вывалившись на улицу, тут же оглох от гвалта собравшихся во дворе галок, капели, бьющих сквозь голые ветки солнечных лучей. По-прежнему ни о чём не думая, он пошёл по улице, и ноги сами собой привели в техникум. Саньке хотелось поступить в военную школу, в кавалерийскую, но он пошёл в кооперативный техникум, надеясь, что, окончив его, сможет помогать матери. Он поднялся на второй этаж, постучал в дверь с табличкой «Директор».

– Кто?

Санька вошёл.

Василий Семёнович – мужчина лет сорока, неловко перебирал бумаги левой рукой, правый рукав гимнастёрки был пуст и заткнут за солдатский ремень.

– Ты чего? Случилось что? – спросил директор, глянув на опрокинутое лицо всегда шептунного Саньки.

– Мама умерла... В больнице, – выговорил мальчик и вдруг почувствовал на щеке горячие и жгущие кожу слёзы.

– Ну, ты того, ты держись, что плакать-то, – взволновался Василий Семёнович, поднявшись со своего стула и притянув паренька к себе здоровой левой рукой. – Ты же мужик, мужики не плачут...

Но Санька плакал, только теперь, уткнувшись в пропахшую махоркой гимнастёрку вчерашнего солдата, он осознал всю горечь своей утраты.

– Родные-то есть? – спрашивал тот, стараясь хоть как-то отвлечь парнишку.

– Брат на фронте.

– Понятно... – произнёс директор, хотя ему было совершенно не понятно, что делать и как помочь 14-летнему мальчишке, у которого только что умерла мать.

– Ты знаешь, у нас бюджет на такие случаи не предусмотрен, война, сам понимаешь... – мужчина почесал коротко стриженный затылок, – но мы вот что, мы тебе пять кило соли дадим, соль у нас есть. Ты продашь, сумеешь?

Санька кивнул, он знал, что соль стоила дорого – 100 рублей стаканчик, но к чему она ему.

– Продашь, мать похоронишь.

В тот же день Саньке выдали мешок соли, и он довольно быстро её продал, не всю разом, а по сто граммов, сколько входило в маленький гранёный стаканчик. Василий Семёнович был прав – денег на похороны хватило с избытком.

Мать отпевали в единственном сохранившемся в городе храме, и Санька, хотя и был комсомольцем, стоял у гроба, и слушал непонятные, но, как ему казалось, радостные слова панихиды, а его мать лежала в красивом шёлковом платье, которое она ни разу не надела после ареста отца.

После похорон Санька сел и написал письмо старшему брату, написал не как ребёнок, а как взрослый, обстоятельно. Брат ответил, что в ближайшее время ему обещали отпуск и он всё тогда устроит с Санькиной жизнью. Вот только раньше этого пришла похоронка – Санькин брат погиб смертью героя при переправе через реку Великую.

Продолжение в следующем номере

3

взрослые —
детьяМ



ИРИНА МАТКОВСКАЯ

Заяц, ёж и лиса

Заяц украл у бельчонка орех.
Ёж воровство увидал, как на грех.

Громко зафыркал и возмутился,
В мячик колючий вмиг превратился.

Зайца-вора уколоть норовит.
«Красть незаконно» – его он стыдит.

Тут проходила случайно лиса.
«Ёжик, ну что ты зудишь, как оса!

Зайчик-шалун захотел поиграть:
Нынче погода в лесу – благодать.

Матковская Ирина Георгиевна окончила МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет. Много лет работала в ФГБУ «Российская государственная библиотека». В 2003 г. награждена почётной грамотой Министерства культуры РФ. Параллельно с основным видом деятельности занималась литературным творчеством. Пишет сказки, рассказы, стихи для детей и взрослых. С 2004 г. – член Московской городской организации Союза писателей России. В 2020 г. вышла книга «Когда поют гладил-олусы» (изд-во «У Никитских ворот»), «Чита, Мартимошка и другие» (изд-во «У Никитских ворот», 2021 г.). Лауреат конкурса «Преодоление» (МГО СП России) в номинации «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна (2020 г.) и в номинации «Квартет» им. И.А. Крылова (2021 г.). Лауреат конкурса «Волшебное перо» в номинации им. Г.Х. Андерсена (МГО СП России, 2021 г.).

Белки орехов полно запасли.
Жалко им, что ли, один для игры!

Серый поскромничал: брать так уж брать.
Мог бы жонглёром он запросто стать.

Ловко орешки бы в цирке бросал,
Зал бы восторженно рукоплескал!

Ты же его напугал хуже волка.
Ну-ка спрячь свои злые иголки.

Зайка, мой милый, пойдём-ка со мной,
Лисята мои сыграют с тобой».

Заяц воспрянул, заулыбался:
Видно, раньше с лисой не встречался...

Быть бы беде, да синица одна
Крикнула: «Братец, ходить с ней нельзя!

Речи её любезны, но лживы.
Не смотри, что она так игрива.

В чашу заманит и съест на обед,
Рodne не успеешь послать ты привет.

А от ежа ты шарахнулся зря,
Он-то как раз не желал тебе зла.

Дурно чужое хватать, говорил.
Пусть грубовато, но жизни учил».

Зайчик тут вспомнил и мамин урок
И побежал от лисы наутёк.

Так что мораль здесь довольно проста:
Опасен не ёж, опасна лиса.

Примерная дочь

Даша решила маме помочь,
Даша у мамы – примерная дочь.

После уроков, хоть и весна,
Быстро домой прибежала она.

Съела обед и тряпку взяла,
Чтобы в квартире была чистота.

Вымыла всё... и даже кота,
Намылив его от ушей до хвоста.

Стряпать Дашу учили не зря –
Манную кашу сварила она.

Хватит каши на месяц с лихвой,
Мама должна быть довольна едой.

Котику надо сливки налить,
Стиркой заняться, цветы напоить.

Вот с работы и мама пришла,
А Даша никак не закончит дела.

Хлещет в ванной вода через край,
Пол залило. Хоть опять убирай.

Мама не знает, что и сказать,
Дашу не в силах она отругать.

Дочь трудилась на совесть, с душой,
Но есть тут один секрет небольшой:

Детям и взрослым следует знать,
Что чувство меры не надо терять.



АЛЕКСЕЙ МОНАСТЫРЬЮК

Окольная речь

Города-герои

1.

В городе дворцов и фонтанов,
Казалось, откуда героям взяться?
Голод против идеалов,
Люди смогли людьми остаться.

2.

Потёмкинская лестница-прелестница
От Нового мира до Понта.
Столица юмора, анекдотов кудесница,
Она и герой Великого фронта.

3.

Русская Троя, дважды герой,
Гавань военного флота,
Здесь Херсонес древний, святой,
И дом настоящего патриота.

Монастырюк Алексей Юрьевич – автор исторических текстов на сайтах Президента России и Патриарха Московского, а также книг «От сокола до орла» (очерки по истории Руси) и «Загадки и отгадки Кремля» (путеводитель по Московскому Кремлю).

Личный сайт: <http://alexmon.ru>. Канал в Яндекс.Дзен – «Окольная речь».

4.

Идут герои насмерть стоять,
Ни шагу назад, только вперёд.
Мамаев курган и Россию спасать
Родина-мать зовёт!

5.

Столица окраины и Древней Руси,
Город первых русских церквей.
Там Земля сошла со своей оси,
Где Бабий Яр и ужас лагерей.

6.

Размером с город эта крепость,
А героизма – на страну.
Ей не страшна фашистская свирепость,
Она не одну прошла войну.

7.

Фронт покатился на восток,
В огне Можайск, Тула, Тверь,
Город от гибели на волосок,
Курсантам по силам зверь.

8.

Митридат, Пантикапей,
Город-ключ от двух морей.
Подвиг духа – Аджимушкой,
В нём павшие попали в рай.

9.

Навеки новый русский порт
Стал маяком во мгле.
Морской пехотой противник стёрт
В большом городе на Малой земле.

10.

Ниже Новгорода, выше Киева есть город-воин белого света,
За тысячу лет не раз погружавшийся в ад,
Не простивший нацистам братскую боль и еврейское гетто,
Его подвиг воспел партизанский парад.

11.

Этот город знаете вы,
Он южный защитник Москвы,
России главный арсенал,
Фашистам и пяди не сдал.

12.

В Лапландии среди сопок и озёр,
В лучах Северного сияния
Город-порт, город-труженик расцвёл,
Город-герой Заполярья.

13.

Вещали-обещали Олег да Гамаюн:
Восславлен крепостью город-щит.
Он, как феникс, то стар, то юн,
Всякий пыл враждебный остудит.



НИНА ЯРНОВА

Котёнок и три непослушных цыплёнка

Котёнок весело бегал по двору. Он недавно родился, и когда немного подрос, ему стало всё-всё интересно.

– Мяу! Мяу! Как дела? – спрашивал у всех котёнок.

Этот вопрос часто задавали друг другу люди. Ему, конечно, никто не отвечал, но он всё равно спрашивал. Однажды котёнок пошёл погулять. Он вышел за калитку и бегал за бабочками, задавая им тот же самый вопрос: «Мяу! Мяу! Как дела?» Бабочки молчали и, не давая себя поймать, весело перелетали с цветка на цветок. Заигравшись, котёнок не сразу заметил, что ушёл далеко от дома. Бабочки улетели, и он понял: пора возвращаться.

Не успел он так подумать, как услышал чей-то призыв:

– Пи! Пи! Пи! Спасите! Помогите!

Присмотревшись, котёнок еле разглядел цыплёнка, который запутался в густой и высокой траве.

Ярнова Нина Александровна родилась в г. Шатура. Вся её жизнь связана с Москвой. Педагог, мать троих сыновей. Член СПР, автор пяти поэтических сборников и двух книг для детей. Постоянная участница поэтических сборников и многих печатных изданий. Награждена дипломом МГО СПР им. Некрасова в номинации «Песенное слово», победитель в номинации «Нравственная. Патриотическая. Духовная», лауреат конкурса «Звёздная строфа» с вручением медали, победитель в номинации «70-летие Победы в ВОВ» с вручением медали. Автор-исполнитель песен и романсов, победитель музыкально-поэтических конкурсов «Романса голос осенний», «Волжские зори», фестивалей по творчеству Марины Цветаевой «Если душа родилась крылатой» в номинации «Музыкальная форма», лауреат фестиваля авторского романса «Времен связующая нить». Также обладатель диплома «Признание» и лауреат фестиваля «Планета Константин Бальмонт».

– Ты что кричишь? – спросил его котёнок.

– Я не кричу, я на помощь зову.

Цыплёнок беспомощно барахтался в траве.

– Ну ладно, попробую тебе помочь, – сказал котёнок.

Он смело нырнул в густые высокие заросли, как в глубокую речку, и словно поплыл, приминая траву. Когда котёнок дополз до цыплёнка, он встал на лапки и сказал:

– Видишь, какая тропинка среди травы получилась? Иди за мной по этой тропинке! Не бойся!

Как же обрадовался цыплёнок, когда вышел из западни! Он захлопал крылышками и пропищал слова благодарности, а звучало это так:

– Пи! Пи! Пи! Спасибо!

Котёнок вежливо ответил:

– Мяу! Мяу! Пожалуйста!

Они присели отдохнуть. Разговорились... Оказалось, что они жили в одном дворе, просто познакомиться не успели.

И котёнок спросил:

– А как ты здесь оказался? Обычно правильные цыплята до поры за мамами ходят.

Цыплёнок виновато развёл крылышками:

– Я даже не понял, как это получилось. Нам строго-настрого запретили выходить за калитку! Но мне было очень любопытно, что там за ней, за калиткой... Когда тропинка кончается?

– Ну, с тобой всё ясно.

– А что со мной ясно? – не понял цыплёнок.

– Непослушный ты, вот что! Пойдём, я тебя к маме твоей отведу. Она теперь очень сильно волнуется.

Так и пошли – котёнок, а за ним любопытный цыплёнок.

Вдруг из-под куста выпрыгнула лягушка и начала громко квакать, словно звала куда-то.

– Ты что расквакалась?! – передразнил её котёнок. – Мы твоего языка не знаем, в нашем дворе так не говорят. Если помочь кому надо, показывай дорогу, а мы за тобой пойдём.

Так и поступили. Лягушка впереди скакала, а котёнок с цыплёнком еле успевали за ней. Вдруг откуда ни возьмись – ручеек небольшой, но быстрый. Течёт он и брызги разбрасывает – видно, разговорчивый очень! А лягушка дальше зовёт, они – за ней, туда, где ручеек успокоился и уже помалкивал. Зато лягушка не молчала, а ещё громче квакала, видно, что-то важное сказать хотела, и вдруг... как

прыгнет в этот ручеёк молчаливый! А в нём ещё один цыплёнок! В ручей попал да чуть было не пропал!

Долго вытаскивали они цыплёнка из ручья. Котёнку очень помогла лягушка. Она подплыла к цыплёнку сзади, толкала его к берегу и квакала так, что он с перепугу взлетал над водой. Взлетал до тех пор, пока котёнок не схватил его и не поставил на бережок.

– Пи! Пи! Пи! – чуть слышно лепетал мокрый цыплёнок.

На него было просто жалко смотреть. А любопытный цыплёнок и не думал ему сочувствовать, даже строго выговаривал:

– Нам же говорили: не ходи за калитку! Непослушный ты, братец!!!

– Кто бы говорил, только не ты! – пристыдил его котёнок.

Немного отдохнув, они пошли дальше. Впереди котёнок, за котёнком два цыплёнка – любопытный да мокрый, а за ними лягушка скакала...

Вдруг откуда ни возьмись – собачка. Котёнок на всякий случай спинку выгнул и зашипел, видно, испугался. Так его учил делать кот Васька. А Собачка дружелюбно виляла хвостом и приветливо лаяла:

– Ав! Ав! Вот здорово, что я вас встретила! Здесь неподалёку ещё один цыплёнок ку-ка-ре-ка-ет!

Цыплята и котёнок расхохотались, они просто за животики держались.

– Цыплёнок кукарекает! Ха-ха-ха! – смеясь, повторяли они.

Пёсик смутился:

– Может, и не кукарекает, но пищит громко: «Спасите! Помогите!» Он в яму свалился. Вот я и решил кого-нибудь на помощь позвать.

– Так что же мы стоим? Скорее, а то опоздаем, – разволновались цыплята.

И все поспешили выручать из ямы третьего цыплёнка... А цыплята, как только услышали негромкий писк, сразу поняли:

– Это наш братец, мы его узнали...

Действительно! Ещё один непослушный цыплёнок звал на помощь! Он свалился в канавку и пытался вылезти.

– Подожди! – пищали его братья. – Сейчас мы тебе поможем.

А Котёнок подумал: «Легко сказать, поможем, а как вытащить его из канавки?»

И вдруг понял.

– Надо лечь, наклониться над ямкой и протянуть цыплёнку переднюю лапу. А пёс пусть держит меня за задние лапы, чтобы я в эту яму вслед за цыплёнком не свалился.

Так и сделали!

Но цыплёнок, увидев склонившегося над ним кота, испугался и начал прыгать от него в разные стороны...

Братья, бегая вокруг канавки, возмущались:

– Ты что? Тебе котик помочь хочет, а ты сопротивляешься?!

Наконец до цыплёнка дошло, и он покорно протянул котику своё крылышко, за которое тот и ухватился, чтобы вытащить бедолагу из ямы...

Цыплята радостно пищали, даже подшучивали над ним:

– Где ты так извозился, братец? Тебя и родная мама не узнает!

Цыплёнок на их шуточки не обращал никакого внимания – он был счастлив!

А пёсик сказал:

– Чистым из грязной канавы никому не вылезти... Так что лучше туда не попадать!

Все дружно согласились, и пёсик предложил:

– Следуйте за мной! Ведь я собака, значит, дорогу к дому найду и вас доведу!

Так и поступили: впереди собачка, за собачкой котёнок, за котёнком три непослушных цыплёнка – любопытный, мокрый и чумазый, а за ними лягушка скакала...

Долго ли, коротко ли шагали, вот уже и калитка перед ними, и двор уже виден, а там и до курятника недалеко...

– Ох, и попадёт нам сейчас! – думали цыплята, увидев курочку-маму и папу-петушка. Три непослушных цыплёнка низко склонили головы и виновато попискивали:

– Папа, мама, простите нас, пожалуйста. Нам очень стыдно...

Но как же удивились пёсик и котёнок, когда курица, увидев пропавших деток, обрадовалась, ласково покукокала и нежно накрыла их своим материнским крылом. А глава куриного семейства петух сначала строго на них взглянул и тут же простил. Он понял, что им и так досталось.

– Ку-ка-ре-ку! Мои детки нашлись! – на весь двор прокукарекал он радостную весть и отправился в курятник, а за ним – всё дружное куриное семейство.

Котёнка позвала хозяйка, собачку ждала в будке вкусная косточка, а лягушка попрыгала к своему ручью, где её тоже ждали...

Солнце клонилось к закату. Оно мягко освещало опустевший двор, словно говоря:

– Ну Слава Богу! Наконец-то все уgomонились!

4

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

ОСТРОВ. ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА / В. Мурзин —
«ИЗДАТЕЛЬСКИЕ РЕШЕНИЯ», 2021. – 110 с.

Поэтический промельк Василия Мурзина



Самуэль Кольридж полагал, что поэзия – лучшие слова в лучшем порядке (the best words in the best order).

Спустя два с хвостиком века Бродский поправил основоположника «озёрной школы»: «Поэзия – это не “лучшие слова в лучшем порядке”, это высшая форма существования языка».

Василий Мурзин со своими первыми стихами пришёл в журнал «Юность».

Сразу бросилась в глаза его основательность. Его стихи, как рюкзак с вещами, где его жизненный опыт упакован в не размеренный ритм и монотонные строфы, а словно выпадают из канона. Они не хотят быть правильными, словно нарочно.

Все эти люди и вещи: *сосед Шурка, соседский враль Мишка, синицы, кричащие, как радиоло* – совсем не вписываются в понятие «лучших слов».

Говоря о поэзии, Константин Паустовский как-то заметил: «Самые стёртые, до конца “выговоренные” нами слова, начисто потерявшие для нас свои образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать...»

Василий Мурзин заставляет благоухать окружающее пространство:

Джинсы, легинсы, лосины, брюки-юбки, чубчики...

Всё это вроде бы безвозвратно прошедшее, но только не прошедшее. А длящееся до сего дня, до сего мига.

Василий Мурзин играет со всеми этими персонажами и вещами, понятиями и артефактами, как кошка с мышкой, вроде бы оставаясь бесстрастным наблюдателем:

И саркофаг, и идол с каменным лицом...

Но за этой неподвижной прозрачной завесой, за маской наблюдателя скрывается очень чуткий поэтический пульс.

Его творческий непокой и простодушие иной раз обезоруживают. Искушённый литератор так не скажет, не напишет, но убьёт строку своим мертвенным каноном.

А у Мурзина поэтическая кухня в полном разгаре. Возможно, Василий Мурзин сверяет своё поэтическое дыхание по древней, вещей, забытой русской песне. Бесшабашной и вольной, как ветер.

И если читатель заставит себя прислушаться к его строчкам, он обнаружит этот скрытый от посторонних глаз ход и смысл...

Подборка в журнале «Юность» была готова, но об эту пору происходила смена двух эпох, поэтому заминка пошла поэту только на пользу.

Он выпустил пару книг, его талант оценён премиями Союза писателей.

Но Мурзин всегда в пути, в поиске. Всегда в дороге к новым поэтическим свершениям.

Кто ищет, тот обрящет!
В добрый путь!

*И чей-то промельк с рюкзаком
В тени вокзала!*

Не его ли?

*Игорь Михайлов, главный редактор журнала «Вторник»,
лауреат премии имени Катаева журнала «Юность»*

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Маргарита Азарова	7
Инна Демина	8
Андрей Клыпин	12
Анатолий Коротков	18
Анатолий Суслов	24
Идалия Шевцова-Урсатий	37

Проза

Алиса Бескровная	41
Сергей Бусахин	51
Инна Дёмина	65
Нина Назарова	67
Василий Поляков	70
Ирина Сабенникова	90

Взрослые – детям

Ирина Матковская	103
Алексей Монастырьюк	106
Нина Ярнова	109

Книжная полка

<i>Игорь Михайлов. Поэтический промельк</i>	
Василия Мурзина	115

